

Лёка Лактысева

ТАЙНЫЙ
БРАК

Лёка Лактысева
Тайный брак
Серия «Четыре Столпа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785758

0101

Аннотация

Они встретились случайно: боевой маг из Дома Ночи, идущий на верную смерть, и простая горожанка, потерявшая в один день опекуна и крышу над головой. Он решил дать ей защиту своего имени. Она подарила ему прощальную ночь. Оба считали, что больше никогда не встретятся. Однако насмешнице-судьбе было угодно иное. Маг выжил там, где никому не удавалось, и теперь разыскивает свою жену. Что ему нужно? Она предпочла бы этого не знать, но невозможно скрываться вечно от того, кто связал тебя с собой не только именем, но и магией.

Содержание

1. Эйлерт	4
2. Анналейса	7
3. Анналейса	12
4. Эйлерт	20
5. Анналейса	29
6. Эйлерт	38
Глоссарий	53
7. Эйлерт	55
8. Анналейса	64
9. Эйлерт	77
10. Анналейса	87
11. Анналейса	100
12. Эйлерт	110
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Тайный брак

Автор: Лёка Лактысева

1. Эйлерт

1.

На плацу перед главным корпусом военно-магической академии ровными шеренгами стояли выпускники. Они не выглядели необстрелянными юнцами. У каждого был боевой опыт, каждый имел на кителе минимум одну награду за участие в сражениях трехлетней войны, которая завершилась чуть более года назад.

Высокие мрачные стены академии, сложенные из серого гранита, взирали на молодых мужчин в парадной форме слепыми узкими окнами. Солнце рассеянно пробивалось косыми лучами сквозь прорехи в слоистых облаках, затянувших осеннее небо. Северо-западный ветер время от времени налетал порывами, трепал волосы молодых магов, тербил фалды и свисающие с шапок-котелков пушистые меховые хвосты — знак принадлежности к элитным магическим отрядам королевской армии Лантерры.

— Эйлерт Дьярви нэйт Вебранд! — гулким голосом, усиленным магией, объявил ректор академии имя очередного выпускника.

Из первой шеренги выступил на два шага вперед высокий сероглазый воин. Его светлые волосы, собранные в низкий хвост, на миг взлетели веером над плечами, подхваченные очередным порывом ветра.

— Ваш диплом, нэйт Вебранд! — в подставленную ладонь упал свиток, перетянутый двухцветной, серебряно-зеленой лентой — в цвет королевского флага.

Выпускник спрятал свиток в крепящийся к поясу плоский продолговатый кошель и снова поднял ладонь.

— И ваше назначение! — договорил ректор.

Эйлерт нэйт Вебранд поймал второй свиток. Поднял вверх сжатый кулак и громко, отчетливо произнес:

— Служу королю и Отечеству! — после чего вернулся обратно в шеренгу.

Вручение продолжилось, а Эйлерт неторопливо сломал печать и развернул свиток с назначением.

— Шарсол, — прочел он.

На его лицо легла тень задумчивости. Глаза затуманились.

— Что у нас в Шарsole, Кьярвел? — не поворачивая головы, спросил он у мага, стоящего справа.

Кьярвел нэйт Оден, второй сын маг-адмирала Одена, узнавал все новости о ситуации на границах даже раньше, чем ректор военной академии.

— Тебя отправляют в Шарсол? — не поверил Кьярвел. — Но...

Голос друга прервался, и Эйлерт понял: в Шарsole горя-

чо. Очень!

– Драконы? — спросил глухо.

– Само собой. Новый выводок. Они посылают тебя на верную смерть, Эйли! Как это возможно?

– Вот и попытайся разузнать.

– А ты?

– А я попытаюсь выжить.

2. Анналейса

Шарсол. Двумя днями позже

Большие хвалемыры на ратуше показывали девять с половиной хвалей, когда Анналейса Дагейд взялась за медное кольцо, потянула на себя тяжелую деревянную дверь и вошла в холл, пронизанный разноцветными лучами, проникающими сквозь витражные окна.

До этого она была в ратуше лишь однажды, пару лет назад, в день, когда душеприказчик огласил завещание, оставленное ее отцом, и назвал имя опекуна. Дядюшка Асмунд Игг. Кровный побратим горячо любимого батюшки и хороший друг погибшей вместе с отцом матушки. Дядюшка Игг заботился о дочерях Ивара Дагейда, как о родных. Но теперь и его не стало. Лейса и ее младшая сестра осиротели окончательно.

Долго осматриваться Анналейсе не дали.

– Рейва Дагейд? — прозвучало издалека.

Лейса опустила запрокинутую к высоким арочным потолкам голову, отыскала взглядом душеприказчика — плотного пожилого мужчину, облаченного в мантию законника.

– Мирного утра, — поздоровалась вежливо, пытаясь улыбнуться. — Я не опоздала?

– Нет, рейва. Вы как раз вовремя. Идемте. — Душепри-

казчик дяди Асмунда не ответил на вымученную робкую улыбку. Он был суров и мрачен.

Лейса тоже нахмурилась, стерла остатки улыбки с миловидного личика. Она была не на шутку встревожена. Ступая легко и беззвучно, она испуганно, настороженно смотрела в спину законника из-под густых темных ресниц. Обычно смеющиеся яркие губы сжались в узкую полоску и почти слились по цвету с побледневшей кожей.

В комнате, куда привел Анналейсу законник, оказалось многолюдно: у дяди Асмунда не имелось жены и детей, зато была сестра и многочисленные племянники. Все они собрались на оглашение последней воли покойного и с настороженностью посматривали на любимицу своего родственника. Похоже, опасались, что все свое состояние рейв Игг оставил ей.

— Прошу тишины! — душеприказчик уселся за единственный в комнате стол, вынул из выдвижного ящика зачарованный от огня, воды и вскрытия футляр, извлек из него свернутый в трубочку свиток. — Оглашается последняя воля покойного рейва Асмунда Игга, гражданина Шарсола. Сей документ составлен года восемьсот девятого от Основания Лантерры, месяца десятого, числа шестого. Если кто-то из присутствующих имеет документ, составленный и заверенный позднее, прошу заявить об этом сейчас.

Родичи Асмунда взялись вопросительно переглядываться между собой, а Анналейса застыла, будто пораженная огнен-

ной стрелой мага из Дома Дня: четыре года! Ее опекун не обновлял свою волю целых четыре года! Значит, о ней в завещании не будет сказано ни слова, ведь дядюшка стал ее опекуном всего два года назад...

Если у кого-то из родственников рейва Игга и было более свежее завещание — тот человек предпочел промолчать. Душеприказчик озвучил волю покойного, согласно которой все его состояние получил племянник — старший сын сестры. Споря, возмущаясь и переругиваясь, семейство Иггов покинуло кабинет.

— Вы тоже можете быть свободны, рейва Дагейд, — услышала Анналейса, но так и осталась сидеть на старом колченогом стуле с твердой прямой спинкой.

Ноги не хотели слушаться девушку. Сердце неровно трепыхалось, то замирая, то выбивая бешеную дробь по ребрам. Лейса прижала ладонь к груди — туда, где под плотной тканью синей накидки скрывался подаренный дядей Асмундом медальон в простой серебряной оправе. Этот медальон еще вчера давал Анналейсе право распоряжаться своим имуществом от имени опекуна. Теперь же...

— Мне нужен совет, рейв Ньёрд. Мое имущество находилось в ведении дяди Асмунда. Что будет теперь с моим наследством, со мной и сестрой?

Душеприказчик отвел взгляд. Ему было неловко смотреть в полные слез синие глаза. Он знал: его слова станут для невинной девушки и ее младшей сестрички приговором. Но

закон есть закон. Не он, рейв Ньёрд, законы придумал, и не ему их менять.

— До конца сего дня я обязан внести данные о розыске наследников вашего отца в королевский реестр. Если до полуночи вы предъявите мне нового законного опекуна...

— Но как мне искать нового опекуна, если его обязан был назначить дядя Асмунд?! — в отчаянии перебила Лейса.

— Новым опекуном мог бы стать ваш муж, рейва Дагейд. Других способов избежать передачи вашего наследства в руки какого-нибудь неизвестного вам дальнего родственника я не вижу.

— Значит, муж... — Анналейса встала, добралась до выхода из кабинета. Замерла на пороге. — Где вас искать, рейв Ньёрд, если я не успею выйти замуж до закрытия ратуши?

— Вы так уверены, что успеете за каких-то двенадцать хвалей найти того, кто согласится жениться на вас, и не станет при этом мешать вам вести хозяйство, как делал это ваш опекун? Я буду у себя дома, рейва Дагейд, и обещаю, что не лягу спать до полуночи.

— Я должна — значит, я сделаю, — кивнула Лейса с решительностью, которой в глубине души вовсе не ощущала. — Не прощаюсь, рейв Ньёрд.

— Успехов, дитя, — кивнул законник двери, что беззвучно затворилась за спиной девушки.

=====

*Рейва – горожанка, уважительное обращение к девуш-

кам и женщинам среднего сословия

3. Анналейса

Лейса вышла на крыльцо ратуши и остановилась. Не знала, куда бежать, за что хвататься. Домой ноги не несли: как она посмотрит в глаза шестилетней сестренке и старой няне? Что скажет? Что в полночь они останутся без денег и без крова? Родственники у отца, возможно, и есть — дальние. Но когда они еще найдутся, и захотят ли дать приют сиротам? А дом освободить уже утром придется: его до появления новых хозяев закроют, магией запечатают, чтобы не пропало ничего.

К подругам тоже не пойдешь: во-первых, у каждой свои заботы с утра. Во-вторых, жениха, сидя на месте, не найти. Правда, у Каты брат старший неженатый есть, и он Анналейсе глазки давно строил. Да только беспутный он: пьет не в меру, работать не желает, зато на деньги играть любит. И ладно бы выигрывал... Нет! За Барга замуж идти — не дело: он небольшое наследство Лейсы мигом в кабаках спустит.

Был у Анналейсы поклонник и посерьезнее. Рейв Бернхард, пасечник. Пчел разводил, мед гнал. Зажиточный господин, да только пожилой — на двадцать пять лет старше, морщинистый, с кустистыми бровями и раздвоенной верхней губой. А характер у него — не приведи дархи! Вот уж он хозяйство Дагейдов сразу к рукам приберет, няню за порог

выставит, жену в черном теле держать будет, да и сестренку работать заставит, а малышке всего-то шесть лет...

Вспомнив о небольшом денежном вкладе, который сначала отец в местном банке хранил, а потом и опекун там же оставил, Лейса развернулась и пошла, еле переставляя ноги, вверх по главной улице Шарсола. Туда, где виднелась стоящая на холме каменная крепость. В крепости жили маги-аристократы, а из простых горожан там только банкиру с семьей поселиться позволили. Там и банк открыли.

Если законник, рейв Ньёрд, пока не внес данные о смерти опекуна в королевский реестр — так, может, амулет дядюшки Асмунда все еще действует? Тогда можно было бы забрать из банка все деньги, припрятать в тайном месте, подальше от дома, а потом, если с замужеством не сложится, уехать из Шарсола и попытаться где-то в другом городе устроиться. Правда бежать из города в таком случае придется быстро — пока никто не хватился.

Десятка золотых монет надолго не хватит, но месяц-другой продержаться можно, если расходовать экономно. А там, глядишь, и с работой сладится. Работы Анналейса никакой не боялась, но лучше всего знала гончарное дело — отец ей все секреты передал, и лавку оставил, и гончарный круг, и с поставщиками белой и синей глины познакомил. Ох, обидно дело терять, но женщине никто патента не даст и без мужского присмотра торговать не позволит!

Погруженная в безрадостные мысли, Лейса брела по обо-

чине, ничего вокруг не замечая. Не расслышала она и крик за спиной:

– Посторонись!

Только когда левое плечо обожгло резкой, нестерпимой болью, Анналейса шарахнулась в сторону, прижалась спиной к каменной стене дома, подняла на обидчиков глаза. Открыла рот — и только выдохнула: мимо нее, нахлестывая коней, мчался элитный отряд боевых магов.

Лейса вжалась в стену еще сильнее. Перехватила ладонью скованное жгучей болью плечо, почувствовала под пальцами голую кожу и липкую теплую влагу.

– Кровь! — зрачки синих глаз расширились. На ресницах проступили слезы.

Накидка испорчена, и рукав нарядной блузки из тонкой дорогой ткани порван в клочья...

В банк в таком виде уже не явишься, и женихов искать в разодранной, испачканной кровью одежде не получится. Стыдно людям на глаза показаться!

Вдруг светловолосый и светлоглазый боевой маг — из тех, что ехали в конце отряда, остановил коня рядом с ней. Спешился.

– Что ж ты по сторонам совсем не смотришь, красавица? А ну как лошадь бы тебя сбила, да копытом ударила? Больно руке?

Лейса прикусила губу, чтобы не разрыдаться в голос. Кивнула молча: больно!

— Понимаю. — В светлых глазах мага промелькнуло что-то, похожее на сочувствие. — Ты ведь в крепость шла?

Она вновь кивнула. Теперь уже робко.

Мужчина перед Анналейсой стоял видный: рост как у пасечника, может, даже чуть выше. Плечи такие широкие, что на каждом по целому ящику синей бриальской глины поместится. Волосы светло-русые, почти белые — как у всех магов ночи. Глаза светлые, то ли серые, то ли голубые — так сразу и не решишь. Губы... таких губ она ни у одного мужчины еще не видела: четко очерченные, будто кармином обведенные, широкие, чувственные. Посмотришь на них — и сразу сердечко сладко ёкает, и в животе тянет, и о поцелуях против воли думать начинаешь...

От таких мыслей даже боль в плече забылась, а в лицо краска бросилась.

— Ты хоть говорить-то умеешь, синеглазка? Представилась бы... — улыбнулись эти самые губы, а у Лейсы голова закружилась: то ли от слабости, то ли от боли, то ли от улыбки этой завораживающей.

Анналейса вновь к стене прислонилась:

— Лейса меня зовут. — Тут же опомнилась, исправилась. — Рейва Анналейса Дагейд из Шарсола.

— А давай-ка, Лейса из Шарсола, я тебя до крепости подведу? — предложил маг, продолжая сводить с ума своей шальной улыбкой. — Меня можешь Дьярви звать.

— Не надо, нэйт Дьярви. Что обо мне люди подумают, если

я с незнакомым магом на одной лошади разъезжать стану? Городок у нас небольшой, все друг друга знают. Уже к вечеру в каждом доме о нас с вами судачить станут!

Лейса вздохнула. Проехаться на боевом коне в обнимку с магом-аристократом любая рейва втайне мечтает. Хоть и говорят, что с магами связываться — не к добру.

— А если вместе по дороге пойдем — за это не осудят? — вернул ее к разговору нэйт Дьярви.

— Это можно, — чуть подумав, кивнула Лейса.

Ей было и приятно, и страшно — никогда раньше таких молодых и привлекательных магов видеть не приходилось. Тех, что постоянно жили в крепости, каждый горожанин в лицо знал. А этого в крепости никогда не было! Уж Анна-лейса бы запомнила: она лица всегда хорошо узнавала.

— Вы у нас в Шарsole в первый раз, нэйт Дьярви? — спросила, просто чтобы поддержать разговор.

Оттолкнулась от стены, накидку на плечах сдвинула так, чтобы прореху с кровавыми краями скрыть в складках. Зашагала рядом с магом, опираясь рукой на подставленный им локоть.

— В первый, — кивнул Дьярви. Улыбка с его лица вдруг пропала. — И, видно, в последний.

Было в голосе молодого мага что-то такое, от чего у Лейсы вдруг заныло сердце, а по коже мороз пошел.

— Драконы? — спросила тихо. — Вы нас от драконов защищать прибыли?

От Шарсола до Гнездовья, где обитали эти крылатые монстры, было пару дней пути, если на лошади и без особой спешки. Самим драконам — пару хвелей полёта.

— Ты их, наверное, видела, синеглазка? — маг отчего-то не спешил называть Анналейсу по имени. Похоже, ему понравилось флиртовать с ней, делать комплименты.

— Видела. — Лейса поежилась.

Драконы возвращались всегда неожиданно. Могли и год, и два, и три охотиться где-то далеко на севере, а потом вдруг внезапно появлялись над Шарсолом и ближними селами. Начинали воровать скотину, детей, могли и на взрослых напасть. И тогда на помощь приходили маги. Это они отправлялись к Гнездовью. Это они, рискуя жизнью, и чаще всего, расставаясь с ней, разоряли драконьи гнезда, уничтожали молодняк.

Молодые драконы были самыми голодными, самыми злыми. Плевались огнем во все, что движется. Разоряли хлева и птичники, валили целые стада. Вслед за драконами приходили падальщики — гамба. Удивительно, но драконы никогда не трогали гамба, не пытались съесть, а драконий огонь стекал по игольчатым бокам гамба, словно водица.

— Расскажешь? — попросил Дьярви. — Я их только в виде картинок да иллюзий изучал.

— Что тут рассказывать? Один дракон легко целую корову в когтях поднимает. Крылья у тварей размахом, как три телеги в ряд. Крик такой, что кажется, железом по железу пи-

лят. А вонь от них неделями держится, не выветривается.

— Вонь, говоришь? — Дьярви вздернул брови. — Об этом в наших учебниках ничего не сказано.

Лейса попыталась пожать плечами и сморщилась: левая рука тут же напомнила о себе саднящей болью.

Маг заметил, покачал головой:

— Доберемся до крепости — попрошу нашего отрядного целителя залечить твою рану. Если без магии врачевать — шрам останется. Не хотелось бы твою нежную светлую кожу северянки грубыми рубцами портить.

Анналейса вновь забыла о ране на плече и покраснела, сама удивляясь тому, как робеет перед магом из Дома Ночи.

Лейса всегда считала себя девушкой бойкой и острой на язык. Без смелости и задора много ли товара продашь? — перебьют соперники, уведут покупателя! Но сейчас, под взглядом бледных глаз с темной окантовкой вокруг радужки, она отчего то терялась, смущалась, забывала дышать...

— Я бы не хотела затруднять, ты ведь, наверное, торопишься... да и мне поспешить стоило бы.

— Умереть всегда успею, — горькая ухмылка проступила на чувственных губах — и ничуть не испортила впечатления. Даже вот такой — подавленный, отчаянный — Дьярви все равно оставался безумно привлекательным! — Мы к Гнездовью завтра по утренней заре выходим. А у тебя что за срочность?

«А мне бы замуж до полуночи выйти», — подумала Лейса

и... снова покраснела.

4. Эйлерт

Эйлерт терпеть не мог, когда обижали женщин. На маг-майора, скакавшего впереди отряда и разгонявшего пеший люд, он не набросился только потому, что тот был далеко впереди, а нарушить строй — значило устроить свалку и затоптать не один десяток местных жителей. Их на дороге, ведущей к крепости, было полным-полно.

«Я тебе еще припомню этот удар! — пообещал мысленно Эйлерт, глядя в спину маг-майора. — Не для того тебе плеть дали, чтобы честных горожанок уродовать!»

Когда поравнялся с рейвой, которую маг-майор плетью огрел — придержал коня, чтобы узнать, как сильно пострадала несчастная. Разорванная накидка и окровавленный рукав заставили Эйлерта заскрипеть зубами. Он спешился, заглянул в синие, с поволокой слез, глаза под темными, с медным отливом ресницами — и пропал.

Таких чистых, пронзительно-синих глаз у магов-аристократов никогда не встречалось. Родичи Эйлерта Вебранда из Дома Ночи отличались соломенным цветом волос и светло-серыми либо светло-голубыми, почти прозрачными глазами. У тех, кого магия Ночи обесцветила полностью, глаза иногда отливали красным.

У магов из Дома Дня волосы, как и глаза, были черными,

и только черными. У Рассветных волосы напоминали цветом ржавчину или медь, а глаза — свежий текучий мед. У Закатных и глаза, и волосы имели стальной оттенок.

Анналейса, так представилась юная рейва, которой на вид было никак не больше восемнадцати, поражала не только синевой глаз. Благородная тонкость черт, прямые брови вразлет делали ее личико выразительным и живым. А чуть выующиеся локоны с каштановым оттенком, что выбивались из-под капюшона синей накидки, так и манили накрутить их на кулак, запрокинуть непокорную голову и испить сладость с нежных губ.

Эту девушку хотелось защищать. Рядом с ней хотелось улыбаться, флиртовать, шутить, чтобы с бледного личика ушло выражение затравленности и озабоченности. Но рейва Дагейд на флирт не отвечала, только смущалась, розовела скулами, прятала синеву глаз под тонкими веками...

Вот и на совершенно невинный вопрос о том, с какой целью направляется в крепость, Анналейса отвечать не захотела, но покраснела так, будто ее застучали в самой неловкой ситуации.

«Что-то тут не так, — сказал себе Эйлерт Дьярви нэйт Вебранд. — Неужели кто-то из магов принуждает невинную деву к неблагоприятным поступкам? Надо бы разобраться».

Насколько было известно Эйлерту, связи между магами и простыми людьми не приветствовались, браки не признавались, а дети от такого союза никогда не получали признания,

а порой исчезали или погибали при невыясненных обстоятельствах. Пожелать такой незавидной судьбы очаровательной синеглазке он никак не мог!

— Значит, не хочешь говорить, для чего в крепость идешь? — переспросил настойчиво.

— В банк. Опекун велел снять несколько монет с вклада — с поставщиками рассчитаться.

Анналейса отвела глаза, потерла пальчиком кончик задрогного носа, и Эйлерт понял: юлит синеглазка. Скрывает правду. Нет, в том, что она идет в банк, маг не сомневался. Но вот озвученные девушкой цели оказались под большим вопросом.

— А кто твой опекун, Лейса? Чем промышляет? Может, я бы зашел к нему, купил чего полезного, заодно и познакомился бы.

— Нет! Не надо... — замотала головой девица, да так рьяно, что капюшон с головы съехал.

— Это с каких пор торговцы от выгодных покупателей отказываются? — хмыкнул невесело Эйлерт и поправил накидку на плечах попутчицы. — Ты ведь понимаешь, что я — человек небедный? Вдруг всю лавку разом скуплю?

Анналейса опустила голову. Эйлерту послышался тихий всхлип. Он остановился сам, придержал коня, которого вел в поводу. Прихватил синеглазку за подбородок и вынудил поднять голову.

— Рассказывай, — потребовал командным тоном. — Всю

правду, как на духу!

По бледным щекам рейвы заструились слезы.

— Простите, нэйт Вебранд. Я не должна! У вас свои заботы, — завела она знакомую песню.

— Нет у меня забот, кроме одной — драконов бить. Но до того еще дожить надо. А пока — говори! Ну?! — чуть прикрикнул Эйлерт.

Ты смотри, какая гордая синеглазка ему попалась! От помощи мага отказывается! Уламывать себя вынуждает.

Был бы он не в Шарсоле и знал бы, что впереди — целая жизнь, может, и отмахнулся бы от чужой беды. Мало ли девиц из простонародья в нехорошие истории попадает? Всех не спасешь. Но вот эту, одну, напоследок... Отчего бы и нет? Хоть в ком-то добрую память по себе оставить, не считая друзей.

Пока Эйлерт все это обдумывал, Лейса решилась.

— Опекун наш умер давеча. Два дня, как схоронили. А сегодня душеприказчик завещание его читал...

— И что в нем?

— Ничего. Документ четыре года, как составлен. И имя нового опекуна на случай смерти дядюшки в нем не названо.

— То есть, ты без защиты осталась? — сообразил Эйлерт.

Анналейса снова всхлипнула. Чуть кивнула — насколько позволяла хватка его пальцев.

— Если бы я одна была, это еще полбеды. Но ведь и сестричка моя малая, и няня тоже на улице окажутся! — начав

откровенничать, остановиться Анналейса уже не могла.

«Кому и выговориться, если не случайному попутчику. Он выслушает, пожалеет и уйдет, забудет, а ей хоть на время легче станет», — сообразил маг. Уходить он не спешил.

— Значит, тебе защитник нужен, — проговорил медленно.
— Ты в брачный возраст-то успела вступить?

— Всего пару месяцев назад.
— И дядюшка тебе мужа не присмотрел заранее? Ни за что не поверю, что у такой красотки ни одного поклонника не было.

— Я не хотела торопиться, а дядя Асмунд никогда не умел мне отказывать...

— И ушел внезапно, — договорил за девчонку Эйлерт.
Та снова дернула головой, изображая согласный кивок.
— В лес пошел, на охоту. На дикого вепря нарвался. Тот его и порвал, — пояснила неохотно.

Маг понял: вспоминать о гибели любимого родственника ей все еще слишком больно.

Отпустил девушку, буркнул:
— Идем. Сотня шагов до крепости осталась. Пока у лекаря будешь — я со своими родичами свяжусь, узнаю, не нужна ли им в Доме помощница из не-магов. Ты ведь любой работе по хозяйству обучена?

— Готовить, прибираться, белье стирать умею, как все женщины, — подтвердила Лейса. — А еще гончарным делом владею. Отец мне все секреты передал, мастерскую оставил,

лавку.

— Понял. Посмотрим, смогу ли что-то сделать.

Отрядный целитель принял посетителей благосклонно. Он уже успел занять небольшую комнатку в лекарском крыле крепостного замка, и теперь заодно с местным собранием по мастерству изучал карты немногочисленных пока пациентов.

— Это кто ж тебя так обидел, милая? — глянул он на рассеченное плечо Лейсы. — Давай-ка снимай накидку, блузу — рану промыть надо, потом уж кожу сращивать.

— Маг-майор местный, из крепости, люрует, — вместо Анналейсы пояснил Эйлерт, стараясь не коситься на ширму, за которой тихонько шуршала одежкой рейва.

Воображение неожиданно разгулялось. Хотелось хоть краешком глаза посмотреть на синеглазку, узнать, насколько высокие и полные у нее груди, какого цвета ареолы и их вершинки...

— Не раз я уже ставил на вид коменданту и командиру гарнизона, что дэй Маладос жесток непомерно. Толку нет. За Маладоса сам глава Дома Дня просил. Я так понимаю, майора к нам, в приграничье, за несдержанность и сослали, — вступил в беседу гарнизонный лекарь. Потом проследил, куда Эйлерт против воли поглядывает, и выслал его прочь со словами. — Ступайте, нэйт, ступайте. Обустраивайтесь, обе-

дайте. Девушке мы поможем. А вам завтра все силы понадобятся!

Эйлерт шагнул к дверям. Задержался на пороге.

– Жди меня у банка, синеглазка. Я слов на ветер не бросаю. Сказал — помогу, значит, помогу.

– Я дождусь вас, нэйт Дьярви! — пообещала рейва, и молодой маг, с облегчением кивнув ширме, вышел.

Первым делом зашел в конюшню, убедился, что его скакуна обтерли, напоили, укрыли попоной, подвесили к морде торбу с овсом. Затем забежал в казарму, бросил на ближайшую свободную койку скатку и походную ташку. От товарищей с их вопросами отмахнулся небрежно:

– Потом расскажу!

Найти уединенное место, чтобы активировать амулет связи и поговорить с матерью, удалось не сразу. Зато нэйта Валкаста откликнулась так быстро, будто ждала.

– Ты где, Эйлерт? Мы тебя два дня назад ждали! Думали поздравить...

– Убыл по месту назначения сразу после вручения диплома. Не дали нам увольнительную.

– И ты не нашел времени, чтобы сообщить?

– Прости, матушка, не нашел. Шли быстрым маршем...

– А теперь, как я понимаю, дошли...

– Так и есть.

– И где вы сейчас? — сбить нэйту Валкасту с мысли никому не удавалось.

– В Шарсоле, в двух днях от Гнездовья.

– Вот как... — нэйта все поняла, но не дрогнула и страха за сына не показала. А может, и не было его — страха. — С назначением твоим я буду разбираться. Но ты ведь не ради этого меня искал?

– Нет, тут другое. Точнее, другая.

– Значит, девушка... из какого Дома? — нэйта Валкаста оживилась. Голос ее зазвучал заинтересованно.

Эйлерт на миг прикрыл глаза: разочаровывать матушку ему не хотелось, но другого выхода он не видел.

– Ты неправильно поняла, мама. Я хотел узнать, не нужна ли тебе расторопная помощница из простых.

– Из простых? Да нам слабо одаренных магичек пристроить некуда! — живость из женского голоса пропала. — Не вздумай с простолюдинкой связываться, Эйлерт! Оставь девицу ее судьбе. Ты будто не из Дома Ночи — все норовишь пожалеть кого-то.

– Я понял, нэйта Валкаста. — Эйлерт тут же стал таким, каким его всегда желали видеть: холодным, вежливым, безразличным. — Прости за беспокойство, мне пора.

– Береги себя, сын. Я попытаюсь вытащить тебя оттуда, — пообещала напоследок мать.

– Не успеешь. Прощай, мам. — Молодой маг прервал связь и только потом договорил совсем тихо. — Если не я — значит, кто-то другой. Тогда почему — не я?

Разговор с родительницей поднял горький осадок со дна

души. Нэйти Валкаста всегда была истинной дочерью Дома Ночи: прохладной, отстраненной с детьми, поглощенной интригами между Домами.

Как ни гнал Эйлерт от себя нехорошие мысли, все равно не мог отделаться от подозрений, что его назначение в Шарсол — следствие участия родителей в тайных игрищах четырех магических Домов.

В том, что он стал в этих играх разменной фигурой, Эйлерт был почти уверен. Вот только кому и чем он настолько мешал, чтобы сразу — к драконам? Сделать что-то наперекор Домам и матушке захотелось нестерпимо. Что? Да вот хотя бы взять и помочь синеглазке — как обещал.

Ей нужен муж, который даст имя и разрешение вести дела самостоятельно. Среди горожан такого супруга она точно не найдет. Каждый будет норовить по-своему повернуть, прибыль забрать, расходы на сестру и няню ограничить. Лучше всего Анналейсе подошел бы статус вдовы. Имя есть — мужа нет. И закон молчит, а что не запрещено — то дозволено.

Тут Эйлерт хохотнул невесело: похоже, это судьба. Ему завтра так и так погибать. Отчего бы не осчастливить синеглазку почетным вдовьим статусом?

5. Анналейса

За лечение маг-целитель, прибывший с отрядом из столицы, не взял ни монетки. И баночку с ранозаживляющей мазью за простое «такки» (спасибо) отдал.

— За тебя нэйт Эй... Дьярви просил, — пояснил серьезно. — С ним и сочтемся. А ты иди, не вынуждай его ждать. Мазь в рану дважды в день втирай, чтобы уж точно никаких рубцов не осталось.

Застирать рукав от крови и прихватить прорехи в блузе и накидке удалось тут же: помощница целителя подала тазик с водой, принесла нитки цветные, набор швейных игл.

Через половину хвали Лейса уже стояла на пороге банка, гадая: ждать ли своего нового знакомого, или зайти и попытаться забрать отцовские деньги, пользуясь амулетом дядюшки Асмунда.

Нэйт Дьярви появился словно ниоткуда.

— Подлатали тебя, синеглазка? — спросил ласково.

— Такки. Вы мне очень помогли, нэйт, — Анналейса почтительно склонила голову и тут же выпрямилась, посмотрела вопросительно: что еще ее спаситель надумал? Для чего просил дождаться?

— Я обед в казарме пропустил. Есть у вас поблизости от крепости ресторация, где перекусить можно? — озадачил ее

маг.

Не о том у нее все мысли были! Ей бы успеть или в банк до закрытия, или в Храм до полуночи, а жениха все еще нет. И соображений о том, где его взять — тоже нет. Разве что сам нэйт Дьярви ее замуж позовет. Только зачем ему это...

— Есть ресторация «От восхода до заката», но там дорого и не слишком вкусно, — она подавила тяжелый вздох, рвущийся из груди. — Лучше в трактир к рейву Гагару наведаться. Накормит просто, но сытно.

— Веди, — кивнул маг. — Там и поговорим.

Подставил локоть. Анналейса положила на сильную руку маленькую теплую ладошку. Повела мага к воротам. Знакомые рейвы посматривали на нее с любопытством, кивали издалека в знак приветствия, но заговорить не пытались: Лейса шла с магом, да еще и незнакомым, а к ним простой люд без лишней надобности обращаться опасался. Вот останется Лейса без провожатого — тогда и засыпят ее вопросами. Впрочем, это когда еще будет...

До трактира добрались быстро — и четверти хвали не прошло. Уселись за деревянный стол с выскобленной дочиста столешницей в самом дальнем углу, за кадкой с лавровым деревцем, которое распространяло вокруг себя пряный аромат.

— Чего угодно, нэйт, рейва? — подошел подавальщик.

Маг кивнул Анналейсе:

— Закажи мне обед по своему вкусу, только побольше. И

себя не обдели. Угощаю.

Лейса кивнула понятливо, попросила принести нэйтү горшочек наваристого грибного супа, рульку с пряными травами и пару рыбных расстегаев. Себе заказала расстегай с крольчатиной и кружку ягодного морса: аппетита не было, и она опасалась, что ей и одного расстегая много будет.

Маг ел в охотку. «Как в последний раз», — вдруг подумалось Анналейсе. Она, хоть и горевала больше о собственных бедах, но слов Дьярви о том, что вернуться из Гнездовья живым он не надеется — не забыла. И теперь, кроме беспокойства о себе, сестре и няне переживала еще и за него: молодой совсем. За что ему вот так — едва из академии, и сразу на верную гибель?

Тем временем Дьярви утолил первый голод. Взялся обгрызать сочную, истекающую жиром рульку.

– Вижу, поесть горожане Шарсола любят, — подмигнул задорно.

Лейса выдавила ответную улыбку. Ковырнула несъеденный расстегай и промолчала.

– Ладно, не буду томить, — видя ее нахмуренные брови, сдался Дьярви. — Выходи за меня замуж.

Вот так вот взял — и предложил! Без предисловий, без намеков. В лоб!

Лейса задохнулась: он что — шутит?! Жестокие шутки! Злые... Заглянула в светлые глаза, на дне которых притаилось бесшабашное веселье смертника. И вдруг поняла: не

шутит маг. Серьезен, как никогда, но свое отчаянное желание жить прячет за напускным весельем.

Ну?! Думала ведь о том же самом? Так за чем дело стало? Вот — маг будто угадал ее подспудное желание. Осталось только «да» сказать. Но прежде — поверить, что не ослышалась. А то мало ли что почудится...

— Эй, синеглазка! Я, между прочим, волнуюсь! Ответа жду! — нэйт Дьярви отодвинул в сторону блюдо с обгрызенной бараньей ножкой, вытер салфеткой лоснящиеся ягнчьем жиром губы, отхлебнул из высокой глиняной кружки пару глотков подогретой бракаренсы с травами. Чуть наклонился вперед, положил длинные цепкие пальцы поверх тонкого женского запястья. — Понимаю, не ожидала. Но раздумывать некогда. Нам обоим спешить надо, так что решайся!

Лейса прижала свободную руку к груди, будто пыталась удержать выпрыгивающее из нее сердце. И — кивнула.

— Это значит — «да»? — переспросил нэйт Дьярви.

— Кхе... да!.. — отдышалась наконец Лейса. — Да.

— Вот и хорошо! — нэйт поднес руку девушки к губам, поцеловал коротко. И тут же стал деловитым и собранным. — Заканчиваем обедать — и в Храм. Знаю: муж из магов для горожанки не подарок. Но тебе замужней недолго ходить. Завтра овдоеешь. Амулет с разрешением вести дела от моего имени мы тебе сегодня выправим. Еще и в банк наведаемся, заберем твои сбережения.

— Нэйт Дьярви! — остановила Лейса поток слов. Не отби-

рая руки, с неожиданной смелостью заглянула в лицо магу, спросила почти требовательно. — Вам-то это все — зачем?

— Хватит со мной на «вы», Лейса. Ты теперь моя невеста. Почему я решил замуж тебя позвать? Наверное, потому что могу выручить, и мне это ничего не стоит.

Как ни старалась Анналейса, но поверить в полное бескорыстие сына Дома Ночи ей не удалось.

— Только ли? — она недоверчиво покачала головой.

Маг схватился за кружку, допил сидр до самого доньшка, и только потом ответил:

— Ты права, синеглазка. Есть у меня свой интерес. Мне одна ночь осталась, последняя. Провести ее без сна в казарме, на казенной койке, слушая вздохи таких же обреченных, как я — невелика радость. А если мы с тобой поженимся, то брак нужно будет подтвердить близостью. Ты ведь догадываешься, что в постели между мужем и женой происходит?

Анналейса догадывалась, но к таким откровенным разговорам, тем более с мужчиной, не привыкла. Покраснела — наверное, в сотый раз за утро, и новые вопросы задавать расхотела.

— Вижу, знаешь, — усмехнулся Дьярви лукаво. — Вот тебе и ответ. Пойдем уже. Не так много хвалей у нас с тобой осталось, чтобы вместе побыть. И еще одно: о том, за кого замуж вышла, тебе лучше помалкивать, чтобы избежать лишних пересудов. Брачная метка у тебя будет, но по ней личность супруга без специального ритуала не определить.

Лейса, не поднимая глаз, кивнула согласно, встала из-за стола. Жених взял ее за руку, повел за собой, как маленькую.

— Ну, где тут у вас Храм? — спросил чуть веселее, чем надо, как только вышли из траптории.

Маг был настроен решительно. Его не волновало, что одета невеста не совсем подобающе, что на блузе и на накидке у нее — не слишком аккуратные, сделанные наспех стежки. Что ни родни, ни друзей на венчании не будет. А если самого нэйти Дьярви все это не смущает, то ей, Анналейсе, тем более беспокоиться не стоит. Радоваться должна, что все так удачно складывается!

Чтобы спасти сестренку и старую няню — она бы и за хромого, и за кривого замуж пошла, если бы знала, что муж будет добр к ее самым дорогим людям. Ночью, в темноте, ни лица, ни хромоты не заметно — стерпела бы. А тут и терпеть не придется: Дьярви ей с первого взгляда понравился, да так, что сердечко сладко сжималось в ожидании его поцелуев!

— Вон он, — махнула Лейса на восток, туда, где островерхий золоченый купол выглядывал поверх зеленых маковок храмовой рощи. — По короткой дороге быстро дойдем.

Нэйт Дьярви кивнул с улыбкой. Накинул на плечи прихваченный из личных вещей темный плащ — обычный, не форменный. Спрятал лицо под капюшоном. Зашагал по безлюдным переулкам — так широко, что Анналейсе, которая тоже лицо скрыла, за магом почти что бежать пришлось. Она, хоть и запыхалась немного, но на жениха не обижалась: сама

хотела поскорее добраться.

Храм Четырех Столпов, как и всегда по будням, был почти пуст. В приделе, где традиционно проводились венчания, людей вообще не было: редко кто в рабочий день, да еще до обеда, свадебные торжества устраивает. Все это было Дьярви и Лейсе только на руку. Капюшоны снимать не стали. Лица брачующихся главному служителю видеть не обязательно: магия крови сама определит, какой мужчина и какую женщину в свой род вводит.

Чтобы вызвать служителя, Дьярви бросил серебряную монету в прорезь ящика для пожертвований. Под сводами Храма разнесся мелодичный перезвон.

Тут же из-за решетчатой перегородки, расположенной позади алтаря, послышался глубокий зычный бас:

– Желаете заключить союз, дети Четырех? — самого служителя видеть брачующимся не полагалось. Считалось, что его голос олицетворяет голоса Столпов.

– За тем и пришли, — отозвался маг.

– Да, хотим, — добавила Анналейса.

– Встаньте у алтаря. Вложите руки в углубления алтаря так, чтобы ваши ладони встретились в центре. И пусть ладони мужа накроют собой ладони жены, оберегая их и защищая.

Дьярви и Лейса встали, как было сказано, и тут же их окутала тьма.

– Столп Ночи благословил ваш союз! — прогремел голос

служителя.

Тьма сменилась розовым сиянием, будто в расположенные под куполом круглые окна заглянуло утреннее солнце.

– Столп Рассвета благословил союз!

Рассвет сменился слепящим сиянием. Казалось, солнце встало в зените и заливает Храм беспощадными потоками света.

– Столп Дня благословил вас!

Слепящий свет сменился тусклыми серыми сумерками. Они выросли из теней колонн, расползлись по полу, поглотили и заполнили собой храмовый придел.

– Столп Заката благословил вас. Отныне и навеки, волею Четырех, вы связаны нерушимой клятвой единства! То, что соединила магия Четырех — да не разъединит никто из смертных!

Сумрак рассеялся. Голос умолк. В храме воцарились тишина и покой.

– Вот и все. — Дьярви бережно вынул руки жены из каменных желобов, что крестом сходились к центру алтаря.

Погладил кончиками пальцев проступивший на левом запястье Лейсы четырехцветный брачный браслет-татуировку. Черная полоса, тонкая, как нить, красная, белая и серая сливались в единую узкую ленту и неярко мерцали, показывая, что супруг жив и находится рядом. У самого мага на левой руке проступила такая же татуировка.

Дьярви поцеловал одну ладонь жены, другую. Она пора-

зилось тому, сколько нежности было в этой простой ласке. Сама Лейса пока не могла понять своих чувств. Знала только: спасены! И она, и ее сестренка, и старая няня. Теперь никто не отберет у них дом, не выбросит на улицу. От этого понимания в груди будто растворилось что-то. Дышать стало свободнее.

Анналейса заглянула в светлые глаза мужа, растянула в улыбке дрожащие губы:

– Поцелуешь меня, Дьярви?

6. Эйлерт

Шальная радость, будто изысканное игристое вино, струилась по венам Эйлерта — женат! Не на холодной дочери Дома Ночи. Не на властной дочери Дома Дня. Не на скрытной дочери Дома Заката. И не на мнительной, ревнивой дочери Дома Рассвета. На открытой, искренней девушке из простого народа.

После брачной церемонии синеглазка осмелела. Поцелуя в ладонь ей показалось мало. Дождалась, когда он оторвался от нежной кожи на сгибе ее запястья, и тут же спросила требовательно:

– Поцелуешь меня, муж?

Спрашивала — а у самой губы дрожали от робости. И вот как тут откажешь?

Он, не выпуская пальцев жены, подтянул ее к себе поближе, так, чтобы их разделяли только сцепленные руки. Наклонил голову, поймал нежные подрагивающие губы, втянул в себя — обе сразу, тронул кончиком языка, пробуя на вкус.

Лейса задрожала, засопела носом взволнованно, а Эйлерта будто молнией пронзило от затылка до копчика, а отдельная ветка этой молнии в низ живота ударила острым разрядом. Он едва сдержал стон. Быстро отпустил губы жены, отодвинулся на полшага.

— Прости, синеглазка! — произнес с сожалением. — Если я сейчас по-настоящему тебя целовать начну, мы с тобой ни в банк, ни в ратушу не попадем, пока я всю тебя не попробую. Дело — вперед, а на удовольствия у нас с тобой целая ночь будет.

Анналейса медленно кивнула в ответ, давая понять, что услышала. Судорожно вздохнула, прогоняя из глаз томную поволоку.

— В банк я потом одна сходить могу, — то ли сообщила, то ли предложила. — Главное, законника навестить, чтобы он родню отца через королевский реестр не начал разыскивать.

— Тогда идем в ратушу. — Эйлерт даже обрадовался, что в крепость возвращаться не понадобится.

Если товарищи из отряда увидят у него на руке брачную метку — потребуют, чтобы отметил с ними свою женитьбу. И отмечать будут, пока вечер ночью не сменится. А ему хотелось не хмель пить, а как можно дольше побыть с женой. Хоть и говорят, что перед смертью не надышишься, но и не дышать своей внезапной, как летний ливень, влюбленностью он уже не мог.

До кабинета законника шли все так же — закрыв лица капюшонами. Эйлерт тайком от жены еще и магии отвлечения внимания добавил, чтобы уж точно никто их не разглядел и не запомнил. Теперь, когда синеглазка вступила в его род, магия откликнулась легко, почти без усилий. Будто тоже приняла его жену, потянулась к ней.

В ратушу успели незадолго до закрытия. Рейв Ньерд, душеприказчик, уже и мантию успел скинуть и в шкаф повесить. На вошедшую в кабинет парочку в капюшонах оставил-ся с опаской:

— Кто такие? Зачем пожаловали? — спросил настороженно, а сам потянулся рукой к поясу за кинжалом.

Эйлерт шевельнул пальцами тихонько, незаметно. Направил на кинжал тонкий ручеек магии. Ага! Непростая вещь-ца, зачарованная! Сильному магу из Дома Ночи не опасна, но из простого человека мигом половину жизненной силы высосет, в обморок на пару дней отправит.

— Рейв Ньёрд, это я, Анналейса Дагейд! — синеглазка поспешно скинула капюшон. — Я и мой муж, Дьярви. Вот, смотрите! — Она выставила вперед запястье с четырехцветным браслетом на коже. По разноцветным полоскам время от времени пробегали крохотные искорки.

— Рейва Дагейд! — законник выдохнул, убрал руку с пояса, тяжелой походкой подошел к своему рабочему месту, опустил на стул. — Значит, удалось вам... хорошо!

— Вы ведь отметите в реестре, что у меня теперь есть защитник?

— Отмечу. — Законник перевел взгляд на Эйлерта, который, в отличие от жены, так и стоял в капюшоне. — Как записать вас в свитки... уважаемый?

— Дьярви Ренсли из Бэлеса, — представился Эйлерт вторым именем и фамилией не всего Дома Ночи, а рода своей

матери. Такие фамилии только внутри Дома в ходу были, да и то не всякий их помнил.

— Пометил. — Законник вывел несколько строк в грощбухе с потертым кожаным переплетом, послал Лейсе сдержанную улыбку. — Поздравляю, рейва Ренсли. И вас, и вашего мужа. Надеюсь познакомиться с ним поближе.

— В другой раз, — Эйлерт пресек любопытство рейва Ньёрда самым категоричным тоном. — Мы спешим.

— Тогда ступайте, — неохотно кивнул законник. — Мир да лад вам.

Анналейса поклонилась в ответ почтительно:

— Такки, рейв Ньерд! За добрые слова, за помощь!

Эйлерт же только кивнул коротко. Его, мага Дома Ночи, законы, написанные для простых людей, волновали мало, а те, кто этим законам служил — и того меньше. Если бы не синеглазка с ее бедственным положением, ноги Эйлерта в ратуше не было бы! Нетерпеливо цапнул кланяющуюся жену за локоть, повел ее прочь из кабинета, из самого здания. Остановился только на пороге.

— Куда теперь? — поторопил с решением.

Формальности хотелось завершить как можно скорее. Не терпелось утащить жену в постель, перестать делить ее со всем миром и показать, наконец, что сыновья Дома Ночи не только магией своей славятся. Нежданная влюбленность все больше поглощала его сердце, а мысль о скором расставании заставляла сжимать кулаки.

— Теперь за амулетом, который даст мне право вести свои дела от твоего имени, — напомнила Лейса. Блеснула на мужа синевой глаз. — Тебе ведь мое состояние и лавка гончарная без надобности?

— Что-то поздно ты мне этот вопрос задать решила, — засмеялся Эйлерт. — Не бойся, не обижу. Говоришь, тебе прежний опекун амулет делал? Не потеряла его?

— Вот он, — Анналейса сняла с шеи кожаный шнурок, передала мужу серебряный кругляш с впаянными в него камнями четырех цветов — по числу Столпов.

Эйлерт покрутил кругляш в руках, понюхал его. Пахло слабым, быстро исчезающим заклятием. Такое каждый год обновлять надо, чтобы амулет силу не терял.

— Этот амулет перенастрою. За новым можно не ходить. Наложу вечное заклятие, которое само по себе никогда не развеется, — произнес небрежно, немного гордясь, что его магических способностей и умений даже слишком много для такой незамысловатой работы.

— Тогда... — Лейса одарила счастливой улыбкой, потом вдруг растерялась, запнулась. И спросила, снова чуть розовея от смущения. — Могу я тебя в свой дом пригласить, Дьярви? Или ты хочешь эту ночь где-то в другом месте провести?

— А найдется у тебя в доме уединенная спальня, где нам никто мешать не станет?

— Родительская комната четыре года как пустует. Она

небольшая, под самой крышей. Зато ложе там широкое, и белье всегда свежее, хотя я до сих пор вместе с няней и сестрой на втором этаже спала.

— И ужином накормишь, синеглазка? — Эйлерту вдруг захотелось хотя бы на половину суток окунуться в жизнь своей жены. Почувствовать себя в ее доме не гостем — родным человеком. Тем, которого любят и ждут.

— Ужин будет не хуже, чем в трагтории, — пообещала Лейса.

— Тогда веди, — Эйлерт решил.

Спрятал амулет в карман, приобнял молодую жену за талию, а ладонь так и вовсе чуть ниже талии пристроил. Благо, под плащом да под заклятием отвода глаз никто посторонний внимания на это не обратит. А синеглазка пусть начинает привыкать. Ночью он, Эйлерт, еще не такие вольности себе позволит!

Дом семейства Дагейдов оказался расположен чуть ниже по склону холма, чем ратуша, в ремесленном квартале. Эйлерту не часто приходилось бывать в таких кварталах, поэтому по дороге он с любопытством оглядывался по сторонам.

Квартал смотрелся благополучным: на удивление чистая, не загаженная помоями улица была такой ширины, что на ней вполне могли разминуться две больших телеги. Деревянные заборы перемежались коваными оградами, и были сплошь окутаны густой зеленью, которую рачительные хозя-

ева высаживали по краям дворов не только для красоты, но и чтобы скрыть дома от любопытных глаз.

От основной улицы вверх и вниз по склону отделялись переулки поуже. В один из таких и свернула Анналейса, увлекая за собой засмотревшегося супруга.

— А вот и мой дом, — с гордостью в голосе сказала Лейса, указывая на саманку с белеными стенами и двускатной крышей. — Отец сам строил.

Эйлерт кивнул в знак того, что услышал. Анналейса отперла калитку, вошла сама, пропустила мужа в небольшой уютный дворик. Из открытого окна до них долетел звонкий детский голосок:

— Няня, а почему хвали хвалями называют?

Маг скосил глаза на жену и поразился тому, какая теплая улыбка озарила ее лицо. Понял вдруг: ближе и дороже младшей сестры у Лейсы никого на свете нет! Вздохнул: у него времени, чтобы сделаться синеглазке таким же родным и важным, почти что и не осталось.

За окном между тем раздался другой голос — старческий, чуть дребезжащий:

— Вот помоги мне ягоду перебрать на пирог, а я рассказывать буду.

Лейса уже хотела окликнуть родных, но Эйлерт тронул ее за плечо, приложил палец к губам:

— Дай послушать. Никогда не задумывался, отчего в самом деле хвали, а не какое-то другое слово.

Жена кивнула, подвела его ближе к окну — чтобы слышать лучше.

Няня, усадив, видимо, любопытную воспитанницу рядом, взялась рассказывать:

– Маги наши, как ты знаешь, на четыре Дома делятся...

– Да! Дом Дня и Дом Ночи, Дом Рассвета и Дом Заката, — перебила малышка.

– Верно. А у каждого Дома — шесть Даров. Всего получается два десятка и еще четыре.

– А хвали-то откуда взялись? — мелкой егозе не терпелось узнать главное.

– Да ты слушай, не перебивай! — подпустила строгости в голос старуха. — Как думаешь, маги наши признательны Четырем Столпам за их Дары?

– Уж конечно! — с умиленной серьезностью согласился ребенок.

– Вот! А потому раньше было принято каждый из Даров восхвалять. И не все сразу, а по порядку. Утром — дары Рассветные, ночью — Ночные. И маги, подумав, разделили весь день — от рассвета до следующего рассвета, на равные части — по числу Даров, и в конце каждой части восклицали: «Хвала Дару!» С годами хвалить Дары перестали, но время от одного восхваления до другого стали называть хвалюю.

Сестра Анналейсы молчала — видно, обдумывала рассказ няни. Зато Эйлерт, успевший снова приобнять жену, шепнул ей на ушко жарко:

– А кто-то сегодня проведет шесть ночных хвалей в обнимку с магом Ночи. И у этого мага намного больше шести Даров найдется для желанной женушки!

Синеглазка осмелела больше прежнего:

– Ты все дразнишь, Дьярви? Так идем, познакомлю с семьей, накормлю ужином, а потом поднимемся наверх, под крышу, и будем твои дары изучать!

Эйлерт даже задохнулся от неожиданности! Поймал затылок Лейсы, развернул ее к себе лицом и впился в смеющиеся губы уже по-настоящему...

– Няня! Там Лейса с чужим дядей целуется!

Лейса и Эйлерт отпрянули друг от друга, будто их ледяной водой окатили. Развернулись на голос. Веселая девчачья рожица с косичками по бокам смотрела на них такими же бездонно-синими, как у старшей сестры, глазами.

– Это не чужой дядя! — первой пришла в себя Анналейса. — Это теперь мой муж, нэйт Дьярви. Беги к нам на крыльцо и представься ему, как няня учила!

Девочка тут же исчезла из окна, а из глубины дома послышался ее возбужденный, восторженный вопль:

– Няня, Лейса замуж вышла! Пошли скорей с ее мужем знакомиться!

Эйлерт только успел плащ скинуть, как на крыльце появились няня и ее воспитанница.

– Темных ночей вам, нэйт Дьярви, — степенно поклонилась девчонка. — Меня Маура зовут. Рейва Маура Дагейд.

А это — моя няня, рейва Калвина.

— Рад познакомиться, рейва Маура, рейва Калвина, — пряча смешинки в глазах, поклонился в ответ Эйлерт. Младшая сестра Анналейсы показалась ему такой забавной, что он никак не мог избавиться от желания улыбаться во весь рот.

— По доброму здравую, нэйт маг, — чуть остудила его веселье рейва Калвина прохладцей в голосе.

Она не улыбалась и глядела на нового родственника тяжело и пристально. Похоже, выбор своей старшей воспитанницы старуха не слишком одобряла, но позволить себе резкие слова в адрес сына Дома Ночи не посмела. Поклонилась глубоко, кивнула на открытые двери у себя за спиной:

— Проходите в дом, располагайтесь и распоряжайтесь. Вы теперь здесь хозяин.

Хозяин? Эйлерт мог представить себя кем угодно, только не владельцем гончарной лавки. И хотя понимал, что по сути пожилая рейва права, но согласиться с ее словами не желал:

— Хозяйкой как была Анналейса, так и останется, — заявил твердо. — Я в дела, которых не понимаю, вмешиваться не буду. Да и нет у меня на это времени...

— Няня! Так-то ты нашего защитника привечаешь! — вступилась за мужа Лейса. — Дядюшка Асмунд, как выяснилось, нового опекуна нам не назначил, и, если бы не Дьярви, мы уже через пару хвалей на улице оказались бы —

все трое!

Рейва Калвина вздрогнула, схватила малышку Мауру за острые плечи, прижала к себе защитным жестом.

— Чем он думал, бездельник старый! — выплюнула зло. — Сколько раз ему напоминала, чтобы к душеприказчику сходил! А он все смеялся: не хорони меня раньше времени!

— Няня! — снова остановила старуху Анналейса. — На дядюшку завтра вместе поругаемся. А сегодня мы должны нэйта Дьярви за спасение отблагодарить, окружить его заботой! Ему завтра с остальным отрядом к Гнездовью идти...

Взгляд старой Калвины снова в лицо Эйлерта уперся. Ощупал его так тщательно, что магу показалось, будто он прикосновения к коже ощутил.

— В Гнездовье, значит, — задумчиво проговорила старуха. — На верную смерть...

Эйлерт пошатнулся: слова старухи ударили болью, разрушили стену, которой он отгородился от мыслей о завтрашнем дне.

— А вы беспощадны, рейва Калвина, — усмехнулся криво.

— Правда всегда болезненна, — качнула головой няня. — Вы простите меня, нэйт, за резкость. Я своих девочек защитить хочу. Только не дали Четверо сил...

— Все! Хватит разговоров! — Анналейса притопнула ногой. — Что у нас на ужин, няня? Мы с Дьярви весь день на ногах, проголодались, пока бегали по Шарсолу.

Рейва Калвина будто опомнилась. Лицо ее смягчилось,

расправилось.

– Накормим спасителя нашего. Все ж не чужой человек теперь, хоть и маг. Веди мужа в дом, Лейса.

Анналейса кивнула. Взяла Эйлерта за руку, ласково сжала его пальцы:

– Пойдем, муж. Разреши поухаживать за тобой на правах хозяйки.

Эйлерт тряхнул головой, прогоняя неприятное тянущее чувство, будто сделал что-то не так. Проходя мимо маленькой Мауры, провел ладонью по ее волосам:

– Ты явно такой же красавицей вырастешь, как твоя старшая сестричка. Глаза у тебя точь-в-точь как у Лейсы!

– Няня говорит, у нашей мамы такие же глаза были, — девочка ухватилась за его ладонь, зашагала рядом. — А ты совсем-совсем не боишься драконов? Когда они в последний раз прилетали, я совсем маленькая была. Ничего не помню! А Лейса помнит, но она их только издалека видела!

В голосе малышки смешались любопытство, страх и сожаление.

– Боюсь, — признался Эйлерт, и его вдруг отпустило. Снова стало легко, хоть и грустно. — Все боятся. Но, знаешь, как говорят бывалые воины? Глаза боятся, а руки делают! Вот и я сделаю все, чтобы ты и в этот раз драконов не увидела.

Кухня, куда привела его Лейса, была не слишком просторной, но места для крепкого обеденного стола в ней хватило.

Жена показала магу глиняный рукомоЙник, подала свежее полотенце, усадила во главе стола. После сама сполоснула руки и стала хлопотать, выставляя на деревянную столешницу, покрытую грубой, но чистой скатертью из беленого полотна глиняные миски, плошки и кружки.

Няня тоже в стороне не осталась: нарезала крупными ломтями пышный серый хлеб, принесла из погреба кувшин с сидром, кусок копченого окорока, соленые грибы, вынула из печи жаркое в чугунном котелке, разложила по мискам. Села напротив Эйлера, приглашающе повела рукой:

– Утолите голод, нэйт Дьярви. Пусть ваш живот будет полон, а сила — безгранична.

За едой почти не разговаривали. Только малышка Маура время от времени пыталась задавать Эйлеру разные вопросы, но тут уже и Лейса, и няня объединились и в один голос напоминали девочке, что за столом болтать не принято.

А после ужина Эйлерт вспомнил еще об одном деле.

– Лейса, дай-ка мне свой амулет и покажи, где у вас уединиться можно. Магия Ночи не любит лишних глаз.

Анналейса передала ему амулет и повела его в другую половину дома.

– Вот тут у нас мастерская, — показала комнату, в которой из обстановки были только гончарный круг, ящики с глиной, рабочий стол да пара стульев. — Зажечь светильник?

– Не нужно. Дай мне половину хвали, синеглазка. На-

строю амулет, а потом... — он не договорил, а поймал ладонями лицо жены, сжал несильно и показал делом, что ее ждет в самом ближайшем будущем.

На этот раз их поцелую никто не помешал, а потому оторвались они друг от друга далеко не сразу. А когда оторвались — оба запыхались, раскраснелись и дышали тяжело, прерывисто.

— Ступай, — Эйлерт подтолкнул Лейсу к выходу. — Пора мне делом заняться.

Лейса убежала и вернулась, как и было велено, через половину хвали.

— Заходи, — позвал маг, услышав шаги жены за дверью. — Принимай работу.

Она подошла — одетая по-домашнему в одно тонкое платье, с влажными волосами, от которых пахло летними травами. Взяла амулет, повесила на шею.

— Ты, может, тоже помыться хочешь? — предложила заботливо. — И сегодня с дороги, и завтра — в дорогу. Няня с Маурой уже спать пошли, не помешают.

— Не откажусь, особенно если одна очаровательная красотка мне компанию составит, — Эйлерт положил ладони на тонкую талию Анналейсы, прижался к жене всем телом, зарылся носом в волнистые пряди темных волос. — Поможешь мне, Лейса?

Сладкое предвкушение снова овладело его телом. Сердце ускорилось, застучало громко, взволнованно. Мальчиком

нэйт Вебранд давно не был, но учеба в военной академии не оставляла свободы для ночных развлечений, так что соскучиться по женской ласке он успел сильно. Теперь он даже благословлял случай, который привел его в дом гончара, в нежные объятия синеглазки.

— Помогу, — пообещала та. Погладила кончиками пальцев его брови, скулы, губы, разглядывая их в слабом неровном свете масляной лампы, будто старалась запомнить сейчас и навсегда. — Ты красивый.

Глоссарий

Бракаренса — хмельной напиток, медовая брага

Гамба — падальщики. Животные, которые перемещаются вслед за драконами и питаются объедками, оставшимися после драконов. Как выглядят гамба — никто не знает, потому что они способны принимать форму любого объекта или предмета

Гнездовье — неизученная область в горной котловине на северо-западной границе королевства Лантерра. Место, где драконы выводят потомство

Дархи — злые духи, способные причинять разнообразные мелкие неприятности. Традиционное ругательство жителей Лантерры

Дэй, дэя — обращение к магам Дня

Квелл, квелла — обращение к магам Заката

Мор, мора — обращение к магам Рассвета

Нэйт, нэйта — обращения к магам Ночи

Пустоловка — река, берущая начало чуть выше Шарсола, и впадающая в Южное море

Рейв, рейва — вежливое обращение к простолюдинам

Стилглен — портовый город на юго-западе королевства, на берегу Южного моря.

Столпы — источники и одновременно потоки силы. Маги полагают, что Столпы обладают собственным, непостижимым

мым для смертных людей разумом

Такки — спасибо

Темплары — храмовники, члены ордена храмовников, служителей храмов Четырех

Фраккан — столица королевства Лантерра

Хваля — час

Шарсол — приграничный городок и крепость на северо-западе королевства. Родной город Анналейсы

7. Эйлерт

Он не удивился, когда жена повела его через черный ход на улицу — на задний двор. В столице, в родительском доме и в академии, да и в крепости Шарсола вода подавалась в жилые комнаты по трубам и согревалась в специальных железных печах с топкой, расположенной под баком.

Простые жители Шарсола такой роскоши позволить себе никак не могли. Но зато, как и в других городах королевства, нашли более простой способ: наполняли водой баки, установленные на небольшой вышке. Солнце согревало баки и воду в них. Только зимой, когда приходили северные ветра и приносили с собой холодные дожди, пользоваться летним душем становилось невозможно. Но с ранней весны и до поздней осени солнечного тепла хватало, чтобы основательно прогреть воду.

Эйлерту уже приходилось мыться в таком душе — во времена трехлетней войны, в доме местного жителя, на постой к которому отправили самого Эйлерта и трех его товарищей. Так что теперь он не растерялся и не удивился. Зашел за деревянную загородку, поманил за собой жену:

– Не робей, Лейса. У нас, магов, все как у обычных мужчин: две руки, две ноги, голова и прочие части тела. Помогай, раз обещала!

Синеглазка все же на миг смутилась, но тут же справилась с собой, подошла вплотную, стала развязывать шнурки его замшевого дублета. Ловкие женские пальцы справлялись с этой задачей играючи. А пока она возилась, Эйлерт одной рукой откинул с ее плеч тяжелые густые локоны, а другой принялся поглаживать нежную шею.

Прикоснуться к теплой бархатистой коже жены было одно удовольствие! ...почти незнакомое. Не испытывал он прежде к женщинам таких чувств, чтобы хотелось ласкать их и нежить бесконечно. Теперь же, когда каждое мгновение было пронизано пониманием, что все это — в последний раз, ощущения непонятным образом усилились многократно.

Эйлерта разрывало на части от желания поспешить и от мрачной решимости не торопиться, наслаждаться как можно дольше каждой улыбкой, каждым соприкосновением губ, каждым движением и вздохом. Сдерживаемая чуть не с самого утра страсть распухла в нем, разрасталась темным грозным облаком — потрескивающим от напряжения, полным небесного огня и тяжелых водяных капель.

Дублет оказался стянут с его плеч. Неожиданно сильные пальчики жены взяли за нижнюю рубаху. Распустили завязки у ворота. Выпростили полы рубахи из-под широкого пояса штанов. Скользнули под ткань.

— А тебе тоже нравится, когда тебя гладят, Дьярви? — шепнула Лейса.

О, эта обезоруживающая, пьянящая смесь детской наив-

ности и женского кокетства!

— Нравится. Продолжай! — задыхаясь, попросил Эйлерт.

Жена провела подушечками пальцев по кубикам мышц на его животе. Потерлась носом о ключицу. Придвинулась совсем близко — так, что он чувствовал каждый ее вздох. Заглянула снизу в лицо, прикусила лукаво кончик языка, дразня улыбкой.

— Постой! — маг поймал руки жены, поцеловал одну, другую. Его терпение было на исходе. — Дальше я сам.

Быстро избавился от остатков одежды, встал под лейку, пустил прохладную воду, подставил под струю разгоряченное лицо. Он знал, что Лейса рассматривает его, но не стыдился себя, своего сильного тела и явных признаков мужественности. В ушах звучали музыкой сказанные женой еще в мастерской простые искренние слова: «Ты красивый!»

Немного остудив гудящую в мышцах силу, открыл глаза, протянул руки к Лейсе:

— Намылишь меня, синеглазка?

Лейса на миг опустила веки. Закатное солнце красными отблесками играло в ее волосах, тени от длинных ресниц лежали на скулах таинственными серыми мазками. Влажные губы взволнованно приоткрылись. Тонкая ткань нижнего платья почти не скрывала плавных изгибов фигуры. Их хотелось ласкать, трогать, пробовать на вкус. Но Эйлерт по-прежнему не позволял себе спешить.

Пусть его невинная жена привыкнет к мужскому телу, пе-

рестанет опасаться. Тогда их удовольствие будет общим, а единение — полным. Ради этого стоит набраться выдержки!

Анналейса услышала его приглашение, решила. Взяла с полочки глиняный горшочек с жидким мылом, шагнула поближе. Эйлерт перекрыл воду и теперь стоял, весь в сияющих дорожках влаги, сбегаящей с длинных волос, и ждал. Зачерпнув немного из горшочка, жена растерла мыло между ладонями, потом положила руки ему на грудь и принялась намыливать круговыми движениями.

И снова каждое прикосновение, каждый круг он ощущал так остро, будто его кожа вдруг истончилась до прозрачности, будто все его тело превратилось в один огромный и чуткий орган, улавливающий тончайшие сигналы. Это было похоже на то, как он впервые ощутил поток магии. Только тогда было страшно от ответственности, а сейчас — просто хорошо. Так хорошо, что почти не верилось. Особенно в то, что это больше не повторится...

— Волосы тоже промоем? — вернул его в действительность голос Лейсы.

— Промоем. — Эйлерт опустился коленями на дощатый настил, подставил под пальцы жены склоненную голову, а сам принялся поглаживать ее тонкие щиколотки.

Синеглазка не возражала и не вырывалась. Только руки ее время от времени подрагивали, когда пальцы мужа слишком уж чувствительно щекотали кожу.

— Тебе ведь приятно, Лейса? — он снизу заглянул в скло-

ненное к нему лицо жены. — Тебя не пугает то, что я делаю?

— Мне... необычно, но хорошо, — Лейса в волнении облизала губы и это заставило Эйлерта в очередной раз вздрогнуть. Он сглотнул и спросил хрипло. — Хочешь, чтобы было еще лучше?

— Да...

— Тогда смываем с меня пену и перебираемся в спальню. Хочу смаковать тебя, как самый вкусный десерт.

Анналейса тут же пустила воду, помогла мужу ополоснуть волосы и смыть остатки пены с плеч и спины. Потом подала ему полотенце и просторный халат из грубой ткани, весь в цветных пятнах.

— Это что еще за одежда? — засмеялся маг.

— Это халат отца... рабочий. Он всегда его после душа надевал. Говорил, в нем тело дышит. Ты не бойся, халат чистый!

— Дышит, говоришь? Ладно, проверим, — Эйлерт не посмел отказаться от заботы, побоялся обидеть свою синеглазку.

Только не сейчас, когда от потребности схватить девчонку в охапку, смять мягкие губы поцелуем, сводило скулы и почти болезненно тянуло внутри.

Он быстро обтерся. Прodel руки в свободные рукава, завязал пояс. Не выдержал, снова прижал к себе жену в ее мокром платье, которое облепило плечи и грудь, теперь уже почти совсем ничего не скрывая. Принялся целовать, жарко,

безудержно, не пытаясь осторожничать, но все же замечая: не испугается ли синеглазка? Не попытается ли вырваться, оттолкнуть?

Жена не подвела: отдалась поцелую полностью. Закрыла глаза, задышала часто, подставляя губы все более смелым ласкам. Прижалась опять близко, так, что ему показалось, будто и нет между ними двух слоев ткани.

И снова ему пришлось призвать всю свою выдержку, чтобы приостановить это нарастающее безумие, заставить молнию замереть на полпути к ее цели, не позволить грозовой туче разразиться ливнем облегчения.

— Идем-идем-идем! Сейчас, сейчас все будет, сладкая! — забормотал он, разворачивая Лейсу и уводя в сторону дома.

Как они миновали дворик, как поднялись под крышу — не запомнил. Это же надо было так раззадорить жену и разойтись самому, что до ложа они еле-еле добрались!

Под крышей было сумрачно. Слабый закатный свет проникал в небольшое оконце и высвечивал красным деревянные балки и стены. Невысокий потолок углом сходилась вверху, над головами. Почти все пространство занимало невысокое, зато просторное ложе: без спинок, с несколькими подушками, набитыми травами и крупой, в головах.

Здесь пахло знойным летом и истомой. Было так уютно, так по-домашнему, что Эйлерту захотелось жить здесь все-

гда. В сердце кольнуло от мысли, что все это уже — его, так же, как и девушка в его объятиях. Пока еще — девушка, но не пройдет и половины хвали, как станет женщиной. Его женщиной. И тоже — ненадолго.

Усилием отогнав от себя мысли о мимолетности счастья, Эйлерт снова поцеловал Лейсу, поглаживая ее плечи и спину.

– Позволишь снять с тебя платье? — озвучил свои намерения.

Сделать что-то, что испугает невинную синеглазку, он по-прежнему не хотел. Лейса кивнула.

– Дай мне узнать, как это — быть желанной и радоваться близости с мужем, а не бояться ее, — попросила с искренностью по-настоящему невинной души.

– Клянусь! — встал перед ней на колени маг.

Он дал ей еще больше.

Нет, не так. Эйлерт отдал синеглазке всего себя. Все, что мог. Все, чем одарила его жизнь. Разразился молниями. Пролится дождем. Прошелся бурей поцелуев. Дождался, когда Лейса замычит ему в рот, теряясь в волнах наивысшего удовольствия, и зарычал сам, освобождаясь от невыносимого напряжения.

...и даже в эти мгновения помнил: этот раз для него самый лучший. Самый остро-сладко-безумный. И — последний.

Горечь предстоящей разлуки, неотвратимой и вечной,

разлилась, растеклась ядом по венам сразу же, как только в теле стихла последняя слабая дрожь удовольствия. Как же невыносимо терять!

Эйлерт уронил голову. Уткнулся лбом в плечо синеглазки. Вжался в ее тело, не в силах отпустить, отстраниться хотя бы на ладонь.

«Моя! Моя!» — билось в голове.

«Была твоя. Недолго. Пройдет год-другой — станет чьей-то еще», — отвечал разум голосом командира отряда. От этого голоса, или от вечернего сквозняка, что гулял вдоль позвоночника, вдруг стало зябко.

Эйлерт поежился, передернул плечами, отгоняя прочь холод, тоску, отраву темных мыслей.

– Что? — Лейса завозилась под ним, расцепила руки, сомкнутые на его поясище, повернула голову, надеясь заглянуть ему в лицо. — Что, Дьярви?

– Эйлерт. — Он вжался в ее плечо еще сильнее. Голос звучал глухо, сдавленно. — Запомни, синеглазка: твоего первого мужа звали Эйлерт Дьярви нэйт Вебранд.

– Но... — Анналейса завозилась под ним еще энергичнее. — Ты что?! Зачем?..

– Пообещай мне, — Эйлерт все-таки поднял голову. Впился в глаза жены взглядом — требовательно, настойчиво. — Пообещай, Лейса, что запомнишь день, когда твой первый брачный браслет перестанет искриться и потускнеет. Что до конца жизни будешь в этот день приходить в Храм

Четырех и просить Столп Ночи о счастливом посмертии для своего первого мужа!..

– Дья... Эйлерт! — теперь в голосе жены звучало возмущение пополам с испугом.

– Обещай! — он то ли рыкнул, то ли застонал. Принялся целовать ее лицо — отрывисто, беспорядочно. И повторял, требовал, молил, не в силах остановиться. — Обещай, обещай... Обещай!

Анналейса вдруг вывернулась из-под него. Села, обхватила его голову, прижала к своему животу, не давая метаться.

– Тише... тише, мой хороший. Я обещаю... обещаю, что буду ждать, когда ты вернешься. Год, три, пять...

– Нет! — Эйлерт судорожно, со всхлипом вздохнул. — Неделя. Больше ждать нет смысла. Смотри на браслет. Брачная метка все покажет.

Анналейса кивнула безмолвно. Продолжая обнимать одной рукой его голову, другой взялась перебирать светлые спутанные волосы.

Эйлерт вдруг угомонился. Перестал вжиматься в жену. Позволил плечам расслабиться, а затылку тяжело опереться на бедра синеглазки. Закрыв глаза и попросил — на этот раз смиренно, будто милостыню:

– Спой мне, Лейса. Хочу... запомнить твой голос. Пусть лучше он звучит в моей голове, чем... а, неважно. Спой, синеглазка, прошу!

8. Анналейса

Эйлерт. Ее мужа зовут Эйлерт Дьярви нэйт Вебранд. Анналейса не разбиралась в родословных магов-аристократов. Полное имя мужа, которое он вдруг выдал ей в порыве отчаянного откровения, ничего ей не сказало. То, что Дьярви — маг Дома Ночи, она знала и так. Достаточно было посмотреть на его светлые, почти белые волосы и светло-серые глаза.

«Запомни!» — попросил муж.

Что ж, Лейса запомнила. Положила на отдельную почетную полочку в таинственном хранилище памяти. И тут же отвлеклась. С мужем происходило что-то странное. Он вдруг вцепился в нее, словно тонущий. Придушил в тесном захвате объятий.

А потом, когда начал говорить, точнее даже, приказывать, глядя ей в лицо белым взглядом безумца, чтобы она просила Ночь о счастливом посмертии для него — вдруг поняла: муж с ней прощается. И не только с ней — с жизнью. Пытается урвать, украсть, отобрать у времени последние мгновения счастья.

Сердце сжалось болью. Глаза тут же промокли. Лейса села, устроила голову мужа на коленях, прихватила пальцами за волосы, вынуждая лежать тихо. Взялась шептать что-то утешительное, поглаживая взрослого мужчину, как ребенка.

Как свою малышку-сестру, когда та болела и плакала, призывая маму, которой почти не знала.

— Спой мне, — вдруг попросил Эйлерт.

И это тоже было знакомо и привычно. У Мауры была любимая колыбельная — напевная, протяжная. Лейса сглотнула соленый комочек, на миг прижалась губами к покрытому бисеринками пота лбу мужа, выпрямилась и запела, покачивая, баюкая его самого и его отчаяние:

Где ты где, моя сторонюшка,

За какою за рекой?

Где ты где, моя ты женушка,

Колокольчик нежный мой...

За рекою да за дальнею,

За широкою рекой

Ждет меня моя любимая,

*Ждет давно меня домой...**

Эйлерт смежил веки. Лицо его разгладилось, черты смягчились.

— Голос твой — как тот колокольчик... нежный... — проворкотал еле слышно. — Пой, Лейса. Пой, синеглазка моя. Последняя нечаянная радость...

Больше муж ничего не говорил, а вскоре по его приоткрывшимся губам и ровному дыханию Анналейса поняла, что он заснул. Подтянула к себе пару подушек, пристроила под спину, откинулась, закрыла глаза. Пальцы сами собой продолжали поглаживать и перебирать светлые пяди мужа,

словно сплетая из них светлые легкие сны для усталого отчаявшегося мужчины.

А мысли тем временем гуляли на свободе, крутились вокруг событий прошедшего дня, выхватывая из памяти то одну картинку, то другую. Мауре муж Лейсы понравился. Малышка не сводила с него влюбленных глаз и с трудом согласилась пойти спать, не попрощавшись с дядей Дьярви.

Няне Эйлерт понравился намного меньше! Оно и не удивительно: простые люди понимали, что аристократы защищают их своей магией от многих опасностей мира. Это здесь, на северо-западе, было довольно тихо и мирно, пока не появлялись драконы. А на восточные границы королевства то и дело налетали не менее страшные твари с бивнями в руку длиной и острыми копытами. С юга порой приходили, преодолев старые невысокие горы, темнокожие дикари с полосатыми звериными шкурами на плечах, с рогатыми шлемами и отравленными наконечниками копий.

За защиту от всех этих тварей аристократам прощалось многое: и подати, которые порой казались непосильными, и излишние вольности, которые позволяли себе молодые, не нагулявшие и не совладавшие еще со своей силой магии. И даже то, что для них, аристократов, свои отдельные законы имелись. Где-то, возможно, более строгие, а где-то — куда как более свободные!

Вот из-за законов рейва Калвина и хмурилась. Магии-то все равно, кого и с кем браком сочетать, и служители Хра-

мов, согласно королевскому указу, женитьбе аристократов на простолюдинках не препятствовали. А вот сами аристократы мезальянсов не прощали, причем не своим сыновьям, а тем несчастным девицам, кто посмел этих сыновей полюбить. Не окажись она, Анналейса, в безвыходной ситуации — ни за что не согласилась бы замуж за Эйлерта выйти!

Подумала так — и тут же упрекнула себя: неблагодарная! Муж уже через пять хвелей отправится в Гнездовье, защищать Шарсол и ее, Анналейсу, от страшного драконьего нашествия! А она тут размышляет, как бы стала жить, если бы он вдруг оттуда вернулся... Пусть бы вернулся — живой, невредимый! Чтобы провести с ним еще одну такую ночь, как эта. Чтобы видеть, как загорается страстью бледное лицо, как сияют серебром влюбленные глаза!

Анналейса сама не заметила, как тоже задремала, так и не поняв до конца — чувствует ли она себя уже не девицей, а замужней женщиной? Изменилось ли что-нибудь в ней? Видно, не так много изменилась, если сразу и не почувствовала.

Ближе к утру, едва начало светать, Лейсу разбудил муж. Несколько хвелей сна освежили его, придали новых сил. Он встал, стараясь не шуметь и не тревожить ее, начал быстро одеваться.

– Ты куда так рано? — потянулась она томно, изгибаясь грудью вперед и прикрывая зевок ладошкой.

Светлые глаза посмотрели на нее строго, почти холодно:

– Нам с рассветом выступать, а мне еще в крепость надо

успеть, в казарму.

С Лейсы сонливость тут же слетела, как и не было. Она соскользнула с ложа, подобрала платье, которое удачно повисло, зацепившись за край подоконника, и полностью просохло за ночь. Натянула его поспешно, подошла к мужу, прижалась со спины, чтобы еще раз почувствовать его живое тепло.

Эйлерт замер, не отталкивая, но и не отвечая на ласку. Ей показалась, что она слышит, как скрипят его зубы.

— Не надо, синеглазка, — попросил муж тихо. — Мне и без того непросто уходить. Если и ты еще начнешь...

Лейса отступила.

— Завтраком-то накормить тебя позволишь? И с собой в дорогу еды собрать.

— Хорошо, — он с трудом разжал кулаки, вернулся к сборам. — Ты спускайся, я догоню. Схожу еще на задний двор, умоюсь под бочкой.

И снова она послушалась без возражений. Было что-то такое в голосе мужа, в его резких движениях и нахмуренных бровях, что спорить не хотелось. Похоже, время нежностей и признаний миновало. Быстро, мимолетно, как небесная зарница. И теперь перед ней был другой мужчина: аристократ, истинный сын Дома Ночи: холодный, непоколебимый.

подавив рвущийся из груди всхлип, она сбежала по лестнице, метнулась в кухню, завозилась, начала собирать на стол, на ходу смагивая слезы.

Вместо мужа первой в кухню пришла няня.

– Вспокоились уже? — проворчала, вытирая слезы со щек воспитанницы. — И глаза уж на мокром месте, а это он еще не ушел!

– А тебе чего не спится? — в голосе Лейсы смешались раздражение и забота.

– Старческий сон — чуткий. Как лестница под вашими шагами закрипела, так и проснулась. Не смотри на меня ко-со! Не надо вам больше наедине оставаться, только порвете друг другу души еще больше!

Анналейса опустила голову: права няня! Долгие проводы — лишние слезы. Но как отпустить, как не цепляться за того, кто спас, кто подарил вместо боли — волшебство единения, кто спал на твоих коленях — расслабленный, обнаженный, трогательно-беззащитный, будто и не маг вовсе...

– Нянь, что с собой Дьярви положить, чтобы сытно и хранилось подольше?

– Хлеба дадим полбуханки. Колбаски вяленые, яйца сваренные да подкопченные. Много класть не надо: в крепости пайку для отряда уже дня три, как приготовили. У Марты чуть не половину продуктов в лавке скупил!

Марту Анналейса знала: супруга мясника, невысокая и широкая, как бочонок, умела вялить, коптить, тушить и сушить мясо любого вида и сорта лучше всех в Шарsole.

– Ну, если у Марты... — протянула задумчиво.

Рейва Калвина махнула на нее рукой:

– Чувствую, не будет от тебя сегодня толку. Лавку даже

открывать не станем. Отдохнешь денек, придешь в себя.

Лейса согласилась с облегчением: видеть никого не хотелось. Не было сил поддерживать досужие разговоры, отвечать на расспросы любопытных кумушек, да так, чтобы не сболтнуть лишнего. А еще — хотелось проводить отряд, постоять у ратуши, взглянуть на мужа еще разок, напоследок, и ему показать: ей, жене, небезразлично, что с ним будет.

Только накрыла на стол и залила кипятком медвяные бодрящие травы, как явился сам предмет ее раздумий. Полностью одетый, только плащ через руку перекинул. Волосы в свободную косу собрал.

– Садись за стол, Дьярви, — позвала его тут же.

Он покосился на рейву Калвину и требовать, чтобы жена его Эйлертом называла, не стал. Поздоровался со старухой кивком, сел на предложенное место, поднял взгляд на жену:

– А ты что же, синеглазка? Не поделишь со мной завтрак? — голос его звучал ровно, размеренно, но чуткое ухо Лейсы уловило в нем тоскливые нотки.

Анналейсе снова кусок в горло не лез, как и накануне утром, но она послала мужу тень улыбки, присела на краешек табурета, положила на тарелку ломоть хлеба с маслом и половинку яблока.

– Разделю. Доброго аппетита, муж.

Няню за стол звать не стали: старуха возилась у печи, складывала в простую холщовую сумку пакеты и свертки, флягу глиняную, салфетки...

— Это тебе в дорогу, — пояснила Лейса на вопросительный взгляд мужа. — Сам перекусишь на привале, товарищей угостишь.

— Такки. Еще одно напоминание об оставшемся за спиной доме... — Эйлерт вздохнул.

Взялся за ложку, зачерпнул каши, проглотил, почти не жуя и явно не чувствуя вкуса. Потянулся за кружкой с травяным напитком, и Лейса поняла: ему тоже сейчас любая еда — поперек горла.

— А ну собрались и съели все! Как дети, право слово! — няня подошла, встала у стола, уперев кулаки в бока. — Сидят, смотрят друг на друга щенячьими глазами! А силы где брать будете?! Особливо ты, маг?

Старуха невежливо ткнула Эйлерта пальцем в спину. Он даже сел прямее, приподнял брови, будто не веря, что бесцеремонная простолюдинка такие вольности себе позволяет. Но ложкой заработал быстрее. Наконец, отодвинул в сторону пустую миску.

— Другое дело! — прогудела рейва Калвина. — Лейса, сумка на лавке. Прощайтесь, что ли. Я пойду к Мауре, подниму ее. Она тоже с Дьярви проститься захочет.

Няня ушла. Эйлерт снова отпил настоя из трав. Вздохнул мучительно, пересел на лавку позади Анналейсы, схватил ее за пояс:

— Иди сюда!

Она тут же перебралась к нему на колени, приникла к ши-

рокой груди, царапаясь щекой о заклепки на плече дублета.

— Значит, не хочешь меня отпустить? — с непонятным выражением спросил маг.

— Не хочу, — Лейса заглянула в его глаза. — Но ты ведь не можешь остаться?..

— Не могу. Прости. Знал бы, что так тяжело будет...

— Жалеешь? — ей вдруг стало обидно.

— Жалею, но не о том, о чем ты подумала. Мало мне тебя, синеглазка. Так мало! А уйду — и вовсе ничего не останется. Вот скажи: неужели ты совсем ничего не готовила в дар будущему супругу? Вроде бы я слышал, такое принято... в народе. Мне бы памятную вещичку от тебя...

— Вещичку? — озадачилась Анналейса. Ей и в голову не приходило, что магу может понадобиться что-то из того, чем простые люди пользуются. У него наверняка и так все самое лучшее! — Ой, что же это я! Только не знаю, понравится ли...

Анналейса соскользнула с колен мужа, побежала в мастерскую. Открыла один из деревянных ларей, стоящих у стены, достала из него небольшой сверток из дерюжки. Развернула, отбросила мятую ткань на лавку, помчалась обратно к мужу.

— Вот! — протянула ему странную вещицу из белой глины с глазурованным покрытием.

Выглядело изделие как короткая сужающаяся труба, распиленная вдоль напополам, и скрепленная кожаными шнурами.

– Что это? — Эйлерт принял незнакомую вещь из рук жены, начал разглядывать. Лицо его выражало полнейшее недоумение.

– Это наручь, но не обычная. Я ее из белой бриальской огнеупорной глины сделала. Ты не думай, она небьющаяся! Бульжником и то не сразу расколешь!

– Наручь, значит.

– Да! Руку натирать не будет, даже если на голое тело наденешь: я изнутри кожаную подкладку сделала, — продолжала объяснять Лейса, а сама даже вспотела немного: понравится ли мужу-аристократу такой подарок? Примет ли?

Эйлерт протянул наручь обратно Лейсе и попросил прежде, чем у нее успело упасть сердце:

– Покажи, как надевается.

Лейса расцвела:

– Сейчас!

Распустила слегка шнуровку, надвинула доспех на предплечье мужа — широкой частью к локтю, узкой — к кисти. Начала затягивать шнурки.

В этот момент явились рейва Калвина и Маура. Девочка выглядела сонной, несмотря на влажные после умывания прядки волос, липнущие ко лбу и щекам.

– Дядя Дьярви! Ты зачем так быстро уезжаешь? — подошла она к магу, присела рядом с ним на лавку, схватила за локоть свободной руки.

Маг смутился. Видно было, что с детьми он дела иметь не

привык, и как общаться с маленькой девочкой — не представляет.

— Маура! Мы о чем договаривались? — пришла к нему на выручку няня.

Малышка тут же слезла со скамьи, встала перед Эйлертом, поклонилась чинно, сложив руки перед грудью:

— Желаю вам доброй дороги, нэйт Дьярви, и пусть Столп Ночи укроет вас от драконьего огня, от драконьего крыла и когтя!

— Да услышит тебя Столп Ночи, маленькая рейва, — Эйлерт склонил голову в ответном поклоне.

— Вот и готово! — прервала их разговор Анналейса. — Удобно руке, Дьярви?

Маг поднес руку, закованную в — смешно сказать! — глиняные латы, поближе к глазам. Согнул-разогнул кисть, пошевелил пальцами.

— Удобно, — улыбнулся одобрительно.

Лейса повеселела:

— Будешь носить?

— Буду, иначе для чего просил? — пообещал Эйлерт и тут же встал. — Пора мне. Вон уже и первые розовые полосы на небе появились, скоро солнце покажется. Если не приду вовремя — весь отряд из-за меня задержится, а это неправильно.

— Тогда дай еще минутку, Дьярви! Я верхнее платье накину и хоть из переулка нашего тебя выведу, дальше до ратуши

дорога прямая — не заблудишься.

Муж кивнул:

– Поспеши!

Он не стал говорить синеглазке, что для магов Ночи нет незнакомых путей и нет тайных ходов. Ночь — она все видит, что от обычного людского взора скрыто.

Лейса задумчивого взгляда мужа не заметила. Взбежала на второй этаж, натянула верхнее платье, накинула плащ, снова бегом по лестнице — на этот раз вниз.

Эйлерт ждал ее на пороге. С наручью на левой руке, с сумкой, которую для него рейва Калвина собрала — на правом плече. Завидев ее, подал руку, вывел на крыльцо. Там обернулся, кивнул рейве Калвине и Мауре, которые следом вышли:

– Прощайте.

Больше ничего говорить не стал. Накинул капюшон, скрыв лицо. Развернулся и зашагал к калитке, ведя Анна-лейсу за руку. Так, держась за руки, они дошли до конца переулка. Там маг остановился, притянул к себе Лейсу.

– Вот и все. Не ходи со мной дальше, синеглазка, не надо. Возвращайся домой, к семье.

Лейса распахнула глаза во всю ширь, приоткрыла губы, пытаясь подобрать слова, чтобы сказать что-то на прощание, но ничего не придумала, кроме как попросить еще раз:

– И ты — возвращайся!

Эйлерт поморщился, как от боли, но ни благодарить, ни

возражать не стал. Просто взял лицо Анналейсы в ладони, прижался на миг к ее губам — и тут же выпустил, а потом развернулся и зашагал прочь — быстро, не оглядываясь.

Лейса сжала кулачки. Постояла, глядя мужу вслед и глотая слезы. Потом развернулась и пошла обратно домой. Туда, где ждала ее привычная размеренная жизнь, знакомые люди и повседневные хлопоты. Нащупала на груди амулет, заряженный мужем, сжала его в ладони: вот он, главный подарок, который оставил ей Эйлерт! Независимость! За этот бесценный дар она своему мужу до конца жизни признательна будет!

=====

**Стихи автора*

9. Эйлерт

Шарсол просыпался. Эйлерт шагал по мощеным где лесиной, где булыжником улицам, привычно прислушиваясь к простым и понятным звукам мирной человеческой жизни. Где-то заскрипел ворот колодца, полилась, журча, вода. Где-то стукнули, отворяясь, ставни. Заплакал ребенок. Из приоткрытых дверей кондитерской лавки повеяло свежей сдобой. Эта спокойная размеренность только усиливала чувство его собственной инородности в этом мире, в этом городе.

Нет! Он не смог бы жить здесь, среди простых мастеровых и торговцев! Его судьба и предназначение в другом. Даже если бы его не ждал поход к Гнездовью, он все равно не смог бы остаться с женой. В лучшем случае — увез бы ее с собой, попытался устроить где-то в столице — тайком от родственников. Они никогда не признали бы настолько неравного брака: второй сын главы Дома Ночи, один из сильнейших магов в своем семействе — и простая горшечница, дочь гончара!

Скрыть от товарищей брачный браслет вряд ли выйдет. Придется сказать, что женился. Но на ком — он не признается, чтобы защитить синеглазку. Она заслуживает спокойной и счастливой жизни — без него...

Крепость, до которой Эйлерт добрался, когда краешек солнца уже выглянул из-за макушек далекого леса, тоже не

спала. На воротах сменялась стража. Конюшие прогуливали по двору лошадей, разминая их перед дальней дорогой. У стен казармы собирались небольшими группами по трое, по пятеро, маги отряда, в котором состоял и сам нэйт Вебранд.

— Эйлерт! Явился! — заметил возвращение Эйлерта один из магов. — И где это тебя носило всю ночь? Неужели решил напиться с горя?

— Слишком он свеж для того, кто возвращается с попойки! — засмеялся другой.

— Так, может, его целитель освежил?

— Когда бы это? Эйли только-только в ворота вошел. Кстати, Эйлерт, что это у тебя на левой руке? Ты что — цветочную вазу распилил и к плечу примотал?

— Ой, наверное, наш молчун нашел себе сговорчивую вдовушку и всю ночь у нее под боком грелся! Эйли, признавайся: ваза на руке — это оберег от птички, в гнездышке которой ты ночевал, пока мы тут небо коптили?

— Небось, сладкая была цыпочка?

Все, кто слышал эти высказывания, захохотали.

Эйлерт сжал губы, сдвинул светлые брови. Сверкнул на хохмачей глазами. На шуточные вопросы он отвечать не спешил. Успеет еще наговориться потом, на привале. А пока лишь поежился от чрезмерной проницательности друзей, махнул им в знак приветствия и поспешил внутрь казармы — забрать с койки свои вещи.

Только вышел — раздался сигнал к построению.

Отряд в сорок человек тут же выстроился в четыре ряда по десять человек в каждом. Эйлерт стоял в заднем ряду, позади своих товарищей по боевой четверке. Четверки составлялись всегда по одному правилу: маг Рассвета, маг Дня, маг Заката и маг Ночи.

Отряды на построениях стояли так же: впереди всех — рыжеволосые рассветники, за ними — черноволосые сыны Дня, следом — серые, как сумрак, закатники, а замыкали строй такие, как сам Эйлерт, бледные сыны Ночи.

– Вольно, бойцы! — перед отрядом появился командир, маг-майор Лейк, в сопровождении своей четверки. — Длинных речей толкать не буду. Вы и так знаете, для чего мы здесь. Драконы вернулись. По последним донесениям, пока что в небе замечены только драконы-разведчики. Но это означает, что со дня на день появятся и остальные. Мы должны добраться до Гнездовья раньше, чем твари начнут нападать на крестьян из приграничных поселений, и остановить их. Идти будем быстрым маршем, не отвлекаясь, не задерживаясь. Все готовы к выступлению?

– Да, дэй Лейк! — в один голос отозвались маги.

– Тогда — по коням! По городу едем четверо в ряд, держим строй. За чертой города перестраиваемся по двое. Десятая четверка — в дозор!

Отдав командиру честь поднятыми вверх кулаками, маги разобрали уже оседланных лошадей, вскочили в седла. В тишине, без музыки, без боя барабанов, разобрались по

четверкам и выехали из ворот крепости. Маг-майор Лейк со своей четверкой встал во главе отряда и сразу задал такой темп, что оглядываться по сторонам и переговариваться с боевыми товарищами было некогда.

В глубине души Эйлерт был этому даже рад. Он не хотел говорить о синеглазке. Не желал пока делиться даже с самыми верными друзьями своей небольшой тайной. Грубые, соленые шутки про вдовушку и про цветочную вазу неожиданно задели его. Ведь, сами того не понимая, шутники оскорбляли синеглазку. У Эйлерта даже кулаки зачесались, так ему хотелось вступить за ее честь. Может, у девиц из простонародья не так и много той чести, но у законной жены мага она точно есть!

Порыв пришлось сдержать: не время и не место ссориться с теми, с кем идешь в бой. Да и не хотели боевые товарищи никого оскорбить. Просто им и в голову не могло прийти, что у него, Эйлерта, всего за день и любовь в сердце проснулась, и жена появилась. Подобное можно было ожидать от кого-то из рассветников, но никак не от холодного сына Дома Ночи.

Эйлерт тряхнул головой, отгоняя воспоминания о синеглазке, огляделся по сторонам, обнаружил, что отряд уже добрался до городской ратуши. Здесь, у ее стен, он только вчера спешил с коня, чтобы помочь незнакомой горожанке... Маг вдруг понял, что неволью ищет взглядом знакомый синий плащ, скрывающий тонкую девичью фигурку.

...и она нашлась.

Анналейса стояла на ответвлении боковой улочки, с непокрытой головой, с корзинкой в руках — вроде как собиралась куда-то по делу, — и рассматривала пролетающих мимо всадников, отыскивая среди них знакомое лицо.

«Просил же — не провожай!» — вроде бы и разозлился Эйлерт, но на сердце потеплело.

Он с трудом удержался от того, чтобы помахать Лейсе рукой, дождался, когда она отыщет его взглядом и, прикрыв глаза, пару раз еле заметно кивнул головой.

«Я тебя увидел, жена, — говорил его жест. — Хорошо, что пришла. Но не выдавай себя, не нужно!»

Переулок, в котором стояла Лейса, остался позади слишком быстро. Эйлерт мгновенно потерял ее из виду, тут же утратил интерес к окрестностям, перестал смотреть по сторонам. Хорошо выученный конь сам держал строй и шел ровной рысью, а его хозяин погрузился в невеселые мысли.

Первую остановку маг-майор Лейк объявил через шесть хвалей. Солнце как раз встало в зените — осеннее, ласковое, нежаркое.

– Коней обиходить! Самим перекусить! На все про все — одна хваль! — распорядился командир.

Не успел Эйлерт спешиться, как рядом оказались остальные маги из его четверки. С ними он учился, с ними вместе сражался в трехлетней войне. Им доверял больше, чем собственным родителям. И прекрасно понимал, что от них ута-

ить не сможет ничего.

– Рассказывай. Вижу, есть о чем, — первым потребовал нетерпеливый мор Дэгри, рассветник с сильным целительским даром и мастерским владением стихией воздуха.

– Не томи! — поддержал друга дэй Кьярвел, маг Дня, чей дар внушения немногим уступал той силе, которая досталась ему от стихии огня.

Гломин, маг Заката, как всегда ни на чем настаивать не стал, но его красноречивый взгляд говорил, что выслушать историю друга он жаждет не меньше остальных.

– Я женился. — Не стал юлить Эйлерт.

Сказал и замолк, давая друзьям осмыслить услышанное.

– Ты — что?

– В смысле?

– На ком?

Эйлерт привык слышать все вопросы сразу и отвечать на самые существенные.

– На женщине, — ухмыльнулся в сторону Гломина. Тот оказался единственным, кто сумел произнести хоть что-то внятное.

– Уже хорошо, — не менее иронично кивнул закатный. — И кто она? Из какого Дома? И какой у нее Дар? Что-то я ни одной магички в крепости Шарсола не видел.

– Она — не маг, — Эйлерт напрягся, приготовился выслушивать изумленные и негодующие возгласы.

Удивительно, но друзья удержались от шума. Огляделись

по сторонам, убедились, что никто из других четверок не греет уши на их разговоре.

— Внезапно, — обозначил общее на троих мнение дэй Кьярвел. Он, похоже, успел собраться с мыслями, и теперь выглядел таким спокойным, будто вел светскую беседу о погоде. — И как тебя угораздило?

— Это не та ли малышка, которую огрел плетью маг-майор Маладос? — припомнил Гломин. На память закатные никогда не жаловались, и подмечать мелочи умели, как никто другой.

— Она самая. Рейва Анналейса Дагейд. Теперь уже, правда, не Дагейд, а Ренсли.

— Для мага ночи ты слишком жалостлив, Эйлерт. Дал бы девице пару серебряных монет — хватило бы и на целителя, и на новую накидку взамен испорченной. Вести ее в Храм? По мне, это уже лишнее. — Дэй Кьярвел похлопал хлыстом по голенищу сапога, снял с головы форменную шляпу-котелок., явно подыскивая самые тактичные выражения, чтобы донести до друга свое осуждение, но сделать это не обидно.

Рассветный и закатный одновременно кивнули, соглашаясь с мнением Кьярвела.

Эйлерт остановился сам, придержал коня, который успел немного остыть и перестал мотать головой и отфыркиваться. Сорвал пучок травы и принялся обтирать от пота конскую шкуру.

— С той бедой, с которой она шла в крепость, Лейсе ни

один целитель не помог бы, — проговорил неохотно. И, не скрываясь, рассказал друзьям историю синеглазки.

Трое друзей выслушали его, не перебивая.

— Значит, решил напоследок доброе дело сделать, — подытожил рассказ Эйлерта мор Дэгри, рассветник. — Понимаю. Жаль только, что, выручив девицу от одной беды, ты, сам того не зная, втравил ее в другую. И только дархам ведомо, не окажется ли вторая хуже первой...

— Ты о чем?! — Эйлерт отбросил смятые стебли травы в сторону, осмотрелся, отыскивая пологий спуск к ручью, возле которого встал на постой их отряд, повел коня к водопою.

Товарищи двинулись следом.

— Дэгри, ты тоже кончай тут загадками говорить! О какой беде речь? — Кьярвел блеснул в сторону Рассветника черными глазами-маслинами. — Не вынуждай меня внушать тебе болтливость, а то потом все свои тайны выдашь, даже те, о которых сам не догадываешься!

Угроза, пусть и шутливая, все же подействовала.

— Распространяться об этом лишний раз не принято, — заговорил мор Дэгри, — но старые целители утверждают, что простолюдинка, входящая в род мага, получает от Столпа-покровителя Дома магические способности. Только вот принять магию и один из Даров не каждая рейва способна. Бывает, что подарок этот болезнью оборачивается. У кого — телесной, а у кого и душевной.

— Хочешь сказать, что моя синегл... жена разума лишить-

ся может?! — Эйлерт шагнул к рассветнику, неосторожно дернул поводья, отчего его гнедой резко вскинул голову и недовольно всхрапнул.

— Прости, прости, — Эйлерт чуть отпустил поводья, и его жеребец снова склонил морду к воде.

— Кто знает? Может, повезет твоей зазнобе, обойдется без хворей. — Дэгри ободряюще хлопнул друга по плечу. — Кстати, что это за штука у тебя на руке? О ней ты рассказать забыл.

Если Дэгри надеялся отвлечь Эйлерта от беспокойства за Лейсу, то получилось у него не слишком удачно. О наручи и ее чудесных свойствах, которые приписывала доспеху синеглазка, сын Дома Ночи товарищам рассказал. Но сам продолжал хмуриться и, кажется, даже злиться.

— Вот почему я раньше не знал, что браки с магами для простых рейв опасны? Почему нам об этом в академии ни слова не сказали?!

— Может, потому что таких безумцев, как ты, один на тысячу? Остальные предпочитают сразу в постель к простолюдинкам прыгать, минуя Храм, — без злости и даже с долей сочувствия усмехнулся дэй Кьярвел. — Впрочем, я тебя тоже понимаю, может, даже лучше, чем Дэгри. Ради того, чтобы последнюю ночь перед смертью провести в жарких объятиях девицы — чистой, неиспорченной — и жениться не зазорно.

— Да я же не потому!.. — возмутился было Эйлерт. Потом

подумал и признал через силу. — Наверное, и потому — тоже.

— Ладно, хорош! Что сделано — того не вернуть, — решил примирить всех Гломин. Откинул со лба серые пряди, блеснул острым стальным взглядом. — Пусть теперь о девчонке Столпы заботятся. А нам обедать пора. Скоро снова в седла.

Спорить было не о чем. Четверка магов-соратников вывела коней на луг, стреножила и отпустила пастись. Сами же они уселись неподалеку, в сени кустов со все еще зелеными листьями и спелыми, но ядовитыми ягодами, и разложили свои припасы на скатерке, которую положила в заплечную суму для Эйлерта рейва Калвина — няня Анналейсы.

Ели быстро: на разговоры времени почти не осталось. Только успели дожевать хлеб и колбаски, как маг-майор Лейк дал команду собираться. Вскоре товарищи снова мчались рысью на своих отдохнувших скакунах по сухим пока проселочным дорогам. К вечеру сделали еще один привал. А когда уже надеялись на третий — едущие впереди дозорные передали сигнал: драконы! Целая стая...

10. Анналейса

Поход в банк за отцовскими деньгами Анналейса думала отложить на следующий день, но няня не позволила.

– Иди и забери! — велела хмуро. — Мало ли, какая еще беда приключится. Разрешение тебе твой маг выправил, за это ему низкий поклон. Но мужчины-покровителя у нас все одно нет. Муж твой ушел, дяди Асмунда больше нет, а в Шарsole скоро беспокойно станет.

– Почему беспокойно? — не поняла Лейса.

– Потому что разоренные драконами земледельцы, голодные, обездоленные, из приграничья в город потянутся. Беда порой даже самых честных и смирных на отчаянные поступки толкает, что уж говорить о других... вместе с честными беженцами и лихие люди в город проникнут, начнут грабить, убивать.

– Так не надежнее ли тогда золото в банке оставить? Он ведь в крепости, а крепость маги защищают... — попыталась настоять на своем Лейса.

– В прошлый раз — не защитили. Когда над Шарsolом драконы появились, магам не до банка стало. Не говорила я тебе правды, мала ты была, но пора, видно, рассказать кое-что... — рейва Калвина говорила так загадочно, что Лейса и о возражениях своих забыла, и от тоски по мужу отвлеклась.

– Что? Говори, няня!

– Родители твои не от драконов погибли, как ты раньше думала... — начала рассказ старуха.

– Как?! — Анналейса не сдержалась от удивленного вскрика. — Ты же сама...

– А ну, не перебивай! Да, я сама! Сама тебя уверяла, что родители твои под струю драконьего огня попали, — няня схватила кружку, налила в нее воды, сделала пару жадных глотков. — Не могла же я тебе сказать, что на мать твою лихой человек напал, силой ее взять пытался...

Анналейса поспешно присела на скамью, подле которой стояла, поглядывая в окошко на цветущую всеми оттенками алого утреннюю зарю.

– И ему удалось? Лихому человеку?.. Сделал он то, что собирался?

– Не сделал. Твой отец услышал крики любимой жены, прибежал на помощь, вступил в драку. Но лихие люди редко по одному ходят, вот и к тому насильнику прибежали на подмогу такие же бандиты, как он сам. Твои мать и отец дрались с ними до последнего, и так и погибли оба — плечо к плечу, отбиваясь от десятка обозленных мерзавцев.

– Бедные мои мамочка и папочка... погибнуть не от драконов, а от таких же людей, как сами... — Лейса обхватила подошедшую поближе няню за пояс, уткнулась ей в бок, заливаясь слезами.

– Порой люди в таких зверей превращаются, что куда там

драконам. Те — всего лишь крылатые хищники, а эти... — рейва Калвина вздохнула, покачала головой, погладила подрагивающие плечи воспитанницы. — Ну полно, полно, девочка. Я к чему тебе это рассказала-то? Чтобы ты понимала: если не удержат маги драконов, и хлынет в Шарсол поток беженцев — нас защитить некому будет, а потому лучше не ждать беды, а продать лавку и уехать. Лантерра большая, дадут Четверо, найдем, где устроиться...

Выслушав рассказ няни, Анналейса согласилась: деньги из банка лучше забрать загодя: потом и в самом деле может стать поздно. А потому, проведив отряд магов и в последний раз обменявшись взглядами с мужем, пошла в крепость.

Долго шагать в одиночестве ей не пришлось. Уже скоро Лейсу догнали две девушки: подруга Ката и племянница дяди Асмунда, рейва Джатта.

— Куда спешишь, подруга? — первой окликнула Лейсу Ката. — Снова в крепость?

— Да. Надо вот распродать украшения, муки купить, яиц — рейва Калвина блинов хотела к вечеру напечь, — уклончиво отозвалась Лейса.

Как же хорошо, что няня сунула ей в руки корзину с безделушками: глиняными бусами, браслетами и свистульками, которые по осени, в сезон свадеб, всегда быстро раскупались. Бусы из разноцветной глазурованной глины, да с росписью на каждой бусине, которые делала Анналейса, шар сольские модницы из простонародья любили особенно: уж

больно красивыми они получались и смотрелись богато.

— А что это за маг вчера под ручку тебя в крепость вел? — задала ожидаемый, но совсем нежеланный вопрос рейва Джатта. — Чего от тебя хотел? Или, может, ты от него?

— Ты смотри, Лейса! — поддержала Джатту Ката. О том, что Анналейса осталась без опекуна, она знала, как и все соседи. — С магом связываться — себе дороже! Уж лучше бы за Барга моего замуж пошла — он, хоть и бестолочь, но тебя любит. Взяла бы его в гамбовы рукавицы, глядишь, и вышел из парня толк!

— Ничего не хотел от меня маг, и я от него — тоже. Просто помог до крепости дойти и целителю показал, после того как дэй Маладос плетью меня хлестнул за то, что вовремя с дороги не сошла...

— Значит, так-таки и расстались потом, и маг ничего за свою помощь не попросил? — не поверила Ката.

— Так и расстались... — на ресницы Анналейсы снова навернулись слезы. Она их смахнула тайком, пока подруги не заметили.

— И что дальше делать будешь, Лейса? — Джатта вынула из корзины и протянула Анналейсе крупное яблоко с розовым боком. — Мы с родней вчера уж и так думали, и этак: можем ли помочь, если твоим опекуном наш близкий родственник был? Но по закону выходит, что не может наследник дяди Асмунда по наследству опеку перенять...

Анналейса яблоко есть не стала, спрятала в корзину: та-

кого огромного плода на целый пирог хватит. Будет радость и няне, и Мауре. Малышка пироги с яблоками страсть, как любит!

— Законник пообещал, что, пока родственники отца не отыщутся, позволит нам и дальше в доме жить, — неправда слетала с губ на удивление легко. Лейса и сама не догадывалась, что так складно врать умеет. — Сейчас главное дождаться, как маги с драконами справятся. А то, может, уже и наследовать тому родственнику нечего станет.

Упоминание о драконах заставило подруг побледнеть и подобраться. Чем опасны налеты этих тварей, они знали не хуже Анналейсы. Девушки посуровели, когда взялись обсуждать, кто и как с возможной бедой справляться намерен.

За такими разговорами добрались до крепости, разошлись по делам: Джатта с корзинами ягод и фруктов отправилась в ту часть рынка, где продавали продукты. Ката, которая трудилась белошвейкой в самой крепости, пошла чинить и штопать одежду магов. А Лейса, распродав за пару хвалей весь свой товар, поспешила в банк. Расспросов любопытных соседей она больше не опасалась: Ката и Джатта сами передадут всем любопытным ту байку, которую Лейса сочинила для них по дороге.

В банке никаких сложностей не возникло: владелец банка, рейв Моркант, и отца рейвы Дагейд помнил, и опекуна хорошо знал, и саму Анналейсу не раз с ними видел. Амулет, представленный Лейсой, сработал как положено: свиток с за-

говоренной печатью, в котором значилась сумма в десяток золотых, развернулся, высветил набежавшие за годы проценты: еще два золотых сверх десяти.

— Наверное, большую покупку вы затеяли, рейва Дагейд, раз все золото разом забрать решили, — проявил любознательность рейв Моркант.

Анналейса не сказала ни да, ни нет, повела плечами с неопределенной улыбкой:

— Сами знаете, рейв Моркант: о предстоящих сделках принято помалкивать, чтобы не спугнуть удачу.

— И то верно, — согласился банкир. — Деньги — они не только счет, но и тишину любят. Но знайте, рейва Дагейд: честным клиентам я всегда готов предложить новый вклад на самых выгодных условиях. А если попросите, то и займы денег дам...

— Займы — не надо, такки! — торопливо перебила его Лейса. Рейв Моркант славился умением заговорить человека, затуманить ему голову без всякой магии. Ей сейчас только и не хватало в долгу перед банком оказаться! — Пойду я. Ждут меня...

Банкир отсчитал двенадцать золотых монет. Лейса подтвердила, что получила их, приложив амулет к печати на свитке. Припрятала золото в тайный карман под верхней юбкой и заторопилась домой: негоже молодой беззащитной рейве в одиночку с целым состоянием в кармане по улицам разгуливать! Пусть пока в Шарсоле спокойно, но береженого

— Столпы берегут, а не бережёного — дархи стерегут.

Вернулась как раз к обеду. Няня встретила вопросительным взглядом: все ли вышло, как задумывали? Анналейса кивнула: все в порядке. Выложила на стол муку, яйца, яблоко для пирога. Потом извлекла из-под юбки сверток с золотыми монетами.

— Где хранить будем? — спросила совета у мудрой старухи.

У той ответ был уже наготове.

— Бери совок, пойдем, прикопаем в хитром месте.

Лейса взяла лопату, поспешила за няней. Та повела воспитанницу по дорожке, проложенной от калитки до крыльца. Миновав где-то треть пути, рейва Калвина остановилась, наклонилась, сдвинула в сторону один из булыжников, которыми были выложены края тропинки, усыпанной щебнем.

— Вот тут копай, — показала Лейсе. — В доме золото хранить не станем: там его быстро отыщут, по кирпичику дом растащат, только бы забрать все ценное. А под камень у тропинки заглянуть не догадаются! Такой схрон без магии никому отыскать не под силу.

Анналейсе монеты в землю закапывать было странно, но послушаться няню она не решилась. Быстро вырыла ямку глубиной в локоть. Рейва Калвина поставила на дно небольшой глиняный горшочек, накрыла его крышкой.

— Закапывай, — отдала новое указание.

Лейса закидала горшочек землей, притоптала ее сверху, поставила приметный булыжник на место. Оставшуюся землю раскидала по грядкам, так что возле самой дорожки никаких следов раскопок не осталось.

— А теперь — обедать. Маура вон с подружками с урока возвращается, тоже, небось, проголодалась, пигалица наша. — Рейва Калвина пошла к калитке, встретила малышку, повела ее в дом, по пути расспрашивая, чему та научилась сегодня.

Обучение для детей мастеровых оплачивала гильдия, так что в свое время родители Лейсу письму и счету почитай, что бесплатно обучили, теперь же пришло время Мауре те же науки освоить. Девочка училась охотно, знания давались ей легко. Лейса втайне даже немного гордилась успехами младшенькой. Вот и сейчас шла, вела сестренку за руку и с улыбкой слушала, как та своими новыми навыками хвастается.

Пообедали, как всегда, просто, но сытно: овощным супом на птичьих голяшках, пирогами с капустой и яйцами. После обеда няня взялась перемывать посуду и готовить ужин, а Лейса, чтобы совсем уж не бездельничать, решила смастерить Мауре новую куклу: давно обещала. Голова из глины была уже готова, оставалось ее раскрасить и пришить к тряпичному телу.

Взяв кисти и краски, Анналейса устроилась за рабочим столом в мастерской, выдавила на специальную дощечку несколько капель светло-золотистой, похожей на выгорев-

шую на солнце солому, краски. «Сделаю златовласку», — решила вдруг, сама не понимая, откуда вдруг пришла такая фантазия. Лицо куклы покрыла белой краской, глаза сделала серо-голубыми с темным ободком, губы — яркими, вишневыми. Полюбовалась своей работой.

Пока краска схватывалась, взялась мастерить тряпичное тело: мягкий длинный валик набила птичьим пером, освобожденным от ости, приделала руки, ноги, смастерила платье из яркого лоскута синего цвета. Наконец, пришила голову. Кукла получилась — просто загляденье! Во всяком случае, так показалась самой Анналейсе.

— Маура! Иди, посмотри, что я для тебя смастерила! — позвала она сестренку.

Та тут же примчалась, залезла на скамью рядом с Лейсой.

— Это что? Это кто? — замерла, разглядывая игрушку.

— Кукла. Ты ведь давно просила! — удивилась Анналейса.

Обычно малышка была в восторге от ее подарков, а тут впервые не обрадовалась, и куклу брать в руки не спешила.

— Я не такую хотела! — надула губки Маура. — Ты же всегда волосы темные делала, а глаза — синие, как у нас с тобой! А эта... эта на дочь Ночи похожа, я ее боюсь!

— А нэйти Дьярви не боялась, — нахмурилась Анналейса. — Значит, не нравится?

У нее вдруг заворчалось, забурлило внутри что-то темное, как та самая ночь. Никогда раньше такой холодной, обжигающей морозом ярости Лейса в себе не ощущала.

— Нет! Не нравится! — Маура спрыгнула со скамьи, Лейса встала следом.

Посмотрела на недовольную сестренку, перевела взгляд на куклу...

— Ну и прах с ней! — сказала в сердцах и махнула в сторону игрушки рукой.

Рабочий стол всего на мгновение окутало облако тьмы, а как только оно исчезло — сестры обнаружили, что вместо куклы на нем осталось всего две горки праха. Одна, побольше, выглядела как куча перемолотой в пыль глины. Вторая, поменьше — как остатки истлевших ниток.

— Няня-а-а! — заверещала испуганно Маура и бросилась на кухню. — Лейса куклу испортила!

Анналейса, еле передвигая ноги, вернулась к скамье и села, непонимающе глядя на стол. Она не могла отвести глаз от двух холмиков пыли.

«Как же это?! — металась в ее голове заполошные мысли. — Это я, что ли, сделала?!»

От испуга и неверия сознание мутилось, в глазах встала туманная пелена. Согласиться, что это ее слова стали причиной того, что кукла развалилась, Лейсе никак не удавалось. «Это не я!» — вот и все, о чем могла она думать.

...Когда старая Калвина следом за всхлипывающей Маурой вошла в мастерскую, Анналейса так и сидела на скамье, смотрела пустым остановившимся взглядом в никуда, и, чуть покачиваясь, шептала еле слышно: «Это не я, не я!»

— Не ты, внучка, конечно, не ты! — скользнув взглядом по останкам куклы, рейва Калвина нахмурилась, поджала губы в ответ на какие-то свои мысли, подошла к Анналейсе, обняла ее за плечи. — А пойдём-ка травок попьём с медом, полежим маленько, — позвала ласково.

Лейса бездумно подчинилась — то ли словам няни, то ли ее повелительным жестам. Встала и, все так же покачивая на ходу головой и повторяя, как заклинание «не я», пошла следом за няней в кухню.

Там рейва Калвина усадила ее на свой стул — единственный с мягким сиденьем и подушкой под спину, сунула маленькой Мауре миску с холодной водой и велела брызгать сестре в лицо, а сама быстро поставила котелок на огонь, выбрала из полотняных пакетиков несколько щепоток трав, закинула их в закипающую воду.

Брызги в лицо Анналейсе не помогли — она их словно и не заметила. Няня забрала у Мауры миску с водой, отставила в сторону. Пока травяной отвар настаивался, расспросила малышку, выяснила все в подробностях.

— Плохи наши дела, — покачала головой. — Зря я надеялась...

Маура из бормотания няни поняла только одно: то, что случилось — не к добру. А все из-за того, что она, Маура, старшую сестричку огорчила.

— Лейса, я больше не буду! Какую хочешь куклу делай, только не злись! — заплакала она. — Лейса, Лейса-а-а!

Но даже громкий испуганный рев Мауры не помог Лейсе очнуться.

— Прекрати реветь! — прикрикнула на ребенка рейва Калвина. — Слезами тут не поможешь. Сейчас мы Лейсу отваром сонным напоим, спать уложим. Утром встанет как новенькая.

— И не будет на меня злиться? Я не хотела!

— Не будет. Не виновата ты, — рейва Калвина на пару мгновений прижала девочку к сухому поджарому боку, потрепала по волосам натруженной ладонью. — Давай-ка, посиди пока.

Старуха перелила травяной настой в высокую кружку, взялась поить Лейсу. Та особо не сопротивлялась, глотала послушно сладкий ароматный взвар.

— Вот и хорошо, вот и молодец, — кивнула Калвина, когда кружка опустела. — А теперь пойдём-ка, приляжешь. И ты, Маура, с нами иди. Будешь сестру сторожить...

— А ты? — испугалась девочка.

— Мне по делам отлучиться надобно. Лейса до утра спать будет, а я скоренько обернусь, ты и не заметишь.

Так, уговаривая поочередно то старшую воспитанницу, то младшую, старуха избавила Лейсу от верхнего платья, уложила ее в постель. Маура сама рядышком улеглась, прижалась к боку сестры теплым комочком, схватилась за ее холодные пальцы. Глаза Анналейсы тут же закрылись. Она забылась тихим сном. Маура тоже замерла, затаилась робким

лесным зверьком. Няня ушла, а ей рядом со старшей сестрой все не так страшно казалось...

11. Анналейса

Рейва Калвина толк в травах всегда знала. Лейса убедилась в этом в очередной раз, когда проснулась поутру свежей, отдохнувшей, с ясным разумом и смутными воспоминаниями о том, что накануне произошло что-то... что-то... нехорошее? Тут память служить отказывалась.

Лейса пошевелилась, почувствовала тепло у левого бока. Скосила глаза и не удивилась, когда увидела темные чуть вьющиеся волосы Мауры. Сестры привыкли спать вместе в одной комнате, на одной постели.

Няня спала тут же, у другой стены. Стоило Анналейсе завозиться — старуха открыла выцветшие болотно-зеленые глаза, окинула воспитанницу цепким взглядом, приложила палец к морщинистым губам, указывая взглядом на Мауру: не разбуди! И кивнула головой в сторону двери: выходи, коли проснулась.

Лейса аккуратно, чтобы не потревожить малышку, выбралась из-под теплого шерстяного покрывала, поежилась зябко: осень на дворе, ночи холодные, скоро уже и печку топить придется, чтобы не мерзнуть по ночам. Натянула теплое верхнее платье, заботливо развешенное няней на спинке стула, мягко ступая, выскользнула за двери, на лестницу. Пошла вниз, слушая почти такие же легкие шаги за спиной:

ходила старая Калвина так тихо и шустро, что не всякой молодой девушке под силу.

Когда оказались на первом этаже, Анналейса собралась было свернуть на кухню, но рейва Калвина поймала ее за руку, потянула в мастерскую. Завидев на столе не убранные краски, Лейса сразу же все вспомнила: и куклу с золотистыми волосами и серыми глазами, и то, что от нее осталось, когда она, Лейса, пожелала игрушке стать прахом...

— Няня! Я не знаю, как так вышло! — взмолилась, будто ждала наказания.

— Зато я догадываюсь, — старуха со вздохом уселась на скамью. — Давай-ка, затапливай печь для обжига. Глину ты еще два дня назад распустила, самое время в дело взять. Попробуй смастерить что-то по особому отцовскому рецепту, с металлической крошкой, с песочком мраморным.

Анналейса словам няни удивилась, но спорить не стала. Быстро поставила ведро с замешанной на воде глиной на поддон, выбила затычку из отверстия, слила лишнюю воду, вычерпала оставшуюся массу на специальный поддон. Другие гончары выносили такие поддоны на улицу, ждали, когда глина просушится и перестанет к рукам липнуть.

Лейсе ждать не приходилось. Она уверенно отмерила в сероватую массу несколько кружек розового песка, кружку соды и кружку медной стружки. Перемешала сначала лопаткой, а потом запустила в смесь руки и стала медленно ее взбалтывать, нашептывая тайные слова:

*Солнце землю светом греет,
В яме глина быстро зреет,
Я, как солнце, стану греть,
Будет глина быстро зреть.*

Обычно через несколько минут такого перемешивания глина становилась горячей, начинала исходить паром, а медная стружка будто впитывалась в массу, растворялась в ней так, что и не разглядеть.

Лейса всегда была уверена, что нагревается глина из-за добавления в нее соды и меди. Только в этот раз что-то пошло не так. Как она ни старалась, сколько не вымешивала глиняное тесто, сколько ни шептала отцовские присказки — глина под ее пальцами оставалась холодной жидкой массой с примесью медной крупы.

— Что-то не идет у меня сегодня, няня, — растерянно глянула она на рейву Калвину. — Неужели я перепутала что-то, неверное количество соды или меди добавила?

— А ты не задумывалась, девонька, отчего у меня никогда не получалось заставить глину греться? Я ведь и пропорции, и слова заветные знаю, — начала издалека няня.

— Так ты же не... гончар? — Анналейса подумала, и сама поняла, что это — не объяснение.

Сколько старуха помогала — сначала отцу, а потом и самой Анналейсе? Воду — носила, глину — месила, но никогда за подсушивание, лепку, обжиг и раскрашивание не бралась. Один раз только кривую тарелку да кособокий горшок

слепила, и больше не пыталась. Сказала — не дано.

— А почему другие гончары так, как ты, не могут? Тоже не задумывалась? — дала новую подсказку няня.

— Так рецепт же... особый. Тайный...

— Нет, Лейса. Дело не в рецепте. Дело в тебе. Мои руки да пошли на кухню. Разговор будет долгий. — Взгляд блеклых старческих глаз сделался таким усталым и тоскливым, что Анналейса даже плечами передернула. Что-то рассказы няни ей в последнее время одни огорчения приносили. Видно, и сейчас хороших новостей ждать не приходится.

В кухне занялись привычными делами: Калвина взялась тесто на хлебные лепешки заводить, Лейса принялась перебирать крупу на кашу.

— Говори уже, няня, не томи! — попросила тихо.

— Ну, раз сама все еще не догадалась — придется и в самом деле мне сказать, — чуть ворчливо откликнулась старуха. — Магия в тебе есть — Дневная, огненная. Совсем немного, следы. У отца твоего немногим больше было.

— Магия? В простолоудинах? Откуда бы?! — Лейса даже крупу перебирать забыла. Уставилась на няньку во все глаза, гадая: уж не выжила ли та из ума под старость?

— Оттуда. Не смотри на меня, как на умалишенную. Отец твой — сын мага из Дома Дня. Дед твой магом был слабым, но и его силы хватило, чтобы бабку, мать твоего отца, огнем изнутри выжгло. Едва успела от бремени разрешиться, как ушла по темным тропам.

– А с дедом что стало?

– Его, как только он овдовел, родичи в гамбовы рукавицы взяли. От ребенка велели избавиться, жену подобрали, магией одаренную. Лишить младенца жизни у деда твоего рука не поднялась, вот и оставил его моим родителям, велел спрятать, денег дал, чтобы уехали подальше.

Анналейса покачала головой неверяще. Пересыпала очищенную от сора крупу в котелок, залила водой, повесила над огнем. Только потом к разговору вернулась.

– И откуда ты, няня, все это знаешь?

– Как же мне не знать, если я твоему отцу двоюродной кузиной прихожусь? Мне восемь лет было, когда он на свет появился. Няниться с младенцем осиротевшим, кроме меня, некому было. Родители мои в дом его приняли, за своего выдали. Когда подросток — гончарному делу обучать взялись. Вот тогда его способности и проявились. Нам, детям, о том молчать было велено. Мы даже село, где жили, покинули, в Шарсол перебрались, да тут и осели.

– Магия, значит... — Лейса все никак не могла свыкнуться с мыслью, что в ней с самого рождения сила Дня жила, а она и не догадывалась. — Тогда что изменилось? Куда мои способности пропали?

Спросила — и тут же охнула, округлила глаза от промелькнувшей догадки:

– Это из-за замужества, что ли? Если от деда-мага сила бабушке передалась, значит, мне от Дьярви тоже его магия

перейти должна была?! Но как же... у меня же своя была?

Няня кивнула одобрительно: правильная догадка! И снова пустилась в объяснения:

– У тебя силы совсем немного было. Ты ведь больше одного ведра глины в день по отцовскому рецепту никогда замесить не пыталась.

– Отец так учил... — нашла себе оправдание Лейса.

Ей отчего-то и в голову не приходило заветы своего родителя и главного наставника нарушить.

– Потому и учил, что понимал: попытаешься чуть больше сделать — ослабнешь, занеможешь. Он-то все на собственной шкуре проверил, пока узнал, на что способен, на что — нет. Но не о том сейчас... Когда маг вводит жену в свой Дом, к ней сила этого Дома переходит. Так что была ты магом Дня — стала магом Ночи.

– И что теперь? Не быть мне больше горшечницей? Чем же я тогда зарабатывать буду?! Как вас с Маурой прокормлю?! — теперь Лейса испугалась: не за себя — за сестренку младшую, за няню. И тут же разозлилась на мужа. — Надо же мне было с магом Ночи связаться! И он промолчал, не предупредил, какой меня свадебный подарок ждет!

Старая рейва кивнула согласно:

– Боюсь, то не единственный подарок. Другие не лучше будут. Ты думала, почему я твоему мужу не обрадовалась, в ноги не кинулась, как спасителю? По нему сразу видно: сильный маг. Была б ты совсем простолюдинкой, как твоя бабка,

уже слегла бы с хворью какой... но и без хворей непросто тебе придется. Многое изменится. Даже облик твой другим станет.

— Облик?! — Лейса непонимающе уставилась старуху. — Няня, ты меня пугаешь! Я что — постарею? Уродиной стану?

— Нет-нет, не пугайся так, девонька! — Калвина приблизилась, обняла Анналейсу, похлопала по спине. В ее голосе смешались сочувствие и легкая усмешка: воспитаннице бы о здоровье переживать, о потере огненного Дара, а она некрасивой стать боится! — Черты лица, сложение, молодость — все при тебе останется! Только глаза и волосы посветлеют. Насколько — не знаю. Время покажет.

Анналейса выбралась из рук няни, пошла к окну, уставилась в него невидяще. Постояла, помолчала, тяжело дыша. Потом тряхнула головой, будто отказываясь верить:

— Дьярви... он ведь такой ласковый был... Смотрел влюбленно! Спеть просил, клялся, что дышать без меня не может. Вот скажи, няня, как такое возможно?! Да и я хороша: растаяла, доверилась!

Рейва Калвина подошла, приобняла воспитанницу за плечи, погладила по склоненной голове:

— Не плачь, не надо. Не стоит он твоих слез. И себя не вини: не могла ты знать, чем для тебя это замужество обернется! Просто запомни на будущее: нет магам до простолюдинок дела, и никогда не было. Только Рассветные и Дневные

силой берут, что хотят, а Закатные и Ночные — хитростью да лестью.

От этих слов Лейсе еще горше стало. Заболело, заныло сердце: она ведь влюбилась в нэйта Эйлерта Дьярви Вебранда. Привязалась, как к родному! Неужели обманулась, не сумела разглядеть неискренности? Няня много старше и всяко опытнее, но разве не могла ошибиться старуха?

— Вот еще! И не подумаю страдать по обманщику! — в груди у Лейсы снова вскипела, взметнулась черной вьюгой тьма. — И ждать его не буду: может не возвращаться!

Анналейса резко выдохнула. Ее дыхание коснулось фиалки, что стояла в горшке на подоконнике. Цветок мигом увял, пожелтел и оплыл гнилой лужицей. Горшок, сделанный по отцовскому рецепту, раскололся, но не рассыпался.

— Ох, беда, беда... — рейва Калвина с сожалением посмотрела на остатки цветка и растрескавшийся вазон. — Боюсь, не совладаешь ты сама с новой силой.

— Так что же делать? — в этот раз Анналейса тоже испугалась, но уже не до икоты.

Бросилась к старухе, прижалась, будто пытаешься отыскать подсказку и защиту. Да только разве от самой себя спрячешься?

А вот новый совет для воспитанницы у рейвы Калвины нашелся.

— Уезжать нам надо, девонька. Чем быстрее, тем лучше. Не стоит соседям видеть, как твои глаза и волосы светлеть

начнут. Заподозрят неладное, слухи пойдут, а там и родня твоего мужа в гости нагрянет, начнет разбираться, что да как.

— Куда же мы поедем? К кому?

Не то чтобы Анналейса раньше об отъезде не задумывалась, но так надеялась, что обойдется! Здесь, в Шарсоле, все родное, все знакомое: дом, хозяйство. Родительские могилки, на которые она дважды в год цветы носить привыкла.

— Есть люди. Помогут... — повела головой рейва Калвина.
— Ты только скажи: согласна ли?

— Мне бы подумать, — Лейса взяла деревянную лопатку, пошла к печке, начала помешивать вскипевшую кашу в котелке. — Разве можно такие решения в спешке принимать?

— До вечера — подумай. Дольше тянуть нельзя. — Старуха принялась убирать с подоконника останки фиалки. — Сама видишь, как все складывается: драконы в наступление пошли. У тебя магия новая незнакомая появилась, а старая сила пропала. Опасно тебе в Шарсоле оставаться. И нам вместе с тобой...

Анналейса кивнула, соглашаясь: толку гончарную лавку держать, если она, Лейса, теперь не больше, чем простая горшечница? На обычных поделках много не заработаешь, а отцовские рецепты ей уже недоступны. Все говорило за то, что няня права, когда с отъездом торопит.

И только одно Лейсу мучило: она обещала Эйлерту, что

будет ждать его. А вдруг муж вернется и не найдет ее? Обещания свои Анналейса привыкла выполнять. Так и отец с матушкой учили. Но и тут няня постаралась. Ее страшные слова впились в душу воспитанницы ядовитыми колючками, проросли сомнениями и недоверием.

Лейса разрывалась между влюбленностью в мужа и привычкой верить мудрой няне на слово. Рейва Калвина никогда не подводила! А муж... муж, по всему выходило, уже подвел. Разве мог он не знать, что Анналейса магическую силу получит, и что эта сила ее убить может? А ведь не засомневался ни на миг, когда в Храм вел! И ее, Лейсу, не предупредил, выбора не оставил. Так стоит ли ругать себя за желание скрыться и от родни мужа, и от него самого?

Анналейса и сама не знала, до чего еще додумалась, если бы и дальше мысли свои ворошила, но тут с лестницы послышался топот детских ножек и немного испуганный голос Мауры:

– Няня! Лейса! Вы здесь?!

12. Эйлерт

Драконы! Целая стая...

Больше полусотни крылатых тварей — прикинул Эйлерт. Тварей, плюющихся огнем, способных мгновенно разодрать когтями в щепы самое прочное дерево, и поглощающих магию, как песок — воду.

Чтобы справиться с одним драконом, нужна полная боевая четверка. Таких четверок в отряде — всего десятков. Вместе с четверкой командира отряда — одиннадцать. Мало! Слишком мало... И взять больше — негде.

Боевых магов всегда не хватало. Они были нужны везде: на охране границ, на войнах, которые то и дело вспыхивали то на юге, на горных склонах, то на востоке, в болотах, то на северо-западе, как теперь. На сражениях с монстрами, которых порождали магические завихрения, возникающие в самых неожиданных местах...

— Не успели лошадей укрыть в пещере! — мор Дэгри, как все рассветные с целительским Даром, терпеть не мог напрасных жертв.

До холма, под которым находилась созданная самой природой просторная пещера, служившая надежным укрытием от драконов, оставалось рукой подать: поросшая низкорослым лесом маковка взгорка уже виднелась на горизонте. Ко-

ней собирались оставить там, а оставшиеся пару хвалеЙ пути до Гнездовья пройти пешком.

Маг-майор Лейк, который возглавлял отряд, поднял руку, приказывая остановиться, крикнул, не оборачиваясь:

– Спешиться! К бою! Кто уцелеет — прорывается к Гнездовью: молодняк должен быть уничтожен раньше, чем встанет на крыло!

Уцелеть хотели все, но не надеялся никто.

Спешившись, маги шлепками и криками подгоняли лошадей, заставляли их разбежаться в разные стороны. Драконы — твари полумозговые: могут сообразить, что ездовые животные никуда от них не денутся, главное — с людьми покончить. Но, если голод окажется сильнее, то могут купиться на уловку и броситься на более крупную и беззащитную добычу, подставляя бока и крылья под атаку магических заклинаний.

Драконы стаи оказались немолодыми и достаточно опытными, чтобы повестись на приманку. С недовольным клекотом они вытягивали шеи, размахивая огромными крыльями и провожая взглядами разбегающихся в разные стороны лошадей. Потом, повинуясь крику самого старого из стаи, закружили хороводом и стали снижаться.

Небольшая заминка оказалась кстати: маги тоже успели разобраться по четверкам и встать в круг, чтобы держать оборону. Эйлерт стоял спиной к спинам товарищей и, призвав свой Дар, готовился ударить заклятием по первому же

дракону, который нарушит строй и резко спикирует вниз, чтобы выпустить по врагам первую струю огня.

На магов эти полуразумные твари никогда не набрасывались в одиночку и с наскока. Всегда брали в кольцо и начинали поливать огнем, оглушать криками, душить и ослеплять дымом. Сами драконы в дыму и огне пожаров зрения не теряли и чувствовали себя превосходно.

Эйлерт помнил тренировочные сражения с иллюзорными драконами, знал, что делать. Теперь, когда все началось, он собрался, отодвинул подальше тоскливые мысли и щемящие воспоминания. Значение имел только бой!

Драконы снижались быстро. Он уже мог разглядеть каждый коготь на крыльях и мощных чешуйчатых лапах, ощущал исходящую от крылатых махин резкую кислую вонь. Заклятие «Темная бездна» висело у него на кончиках пальцев, как невидимые нити-щупальца, готовые взметнуться, впиться в горячую плоть, высасывая из нее жизненные силы.

Оглушительный вопль, обрушившийся на головы магов, словно раскаты небесного грома, стал сигналом к атаке. Один за другим драконы ринулись к земле, едва не задевая когтистыми лапами головы магов, и выплеснули на людей потоки огня — едкого, злого, приставучего!

Время дрогнуло, рассыпалось на отдельные вспышки. Они сменяли одна другую — так быстро, что глаз едва успевал замечать.

...вот Кьярвел, сын Дня, вскинул руки, растягивая над

своей четверкой огнеупорный щит.

...вот сам Эйлерт дотянулся щупальцами заклинания до дракона, и тот дернулся, забил крыльями в воздухе, теряя силы.

...вот Гломин, закатник, запустил в разинутую, клокочущую пламенем глотку дракона тугую хлесткую струю воды.

Маленькие глазки чудовища, прикрытые щитком чешуек, полезли из орбит. Крылья задергались суматошно, бестолково. Тяжелая туша начала падать — прямо на головы Эйлерту и его товарищам.

Рыжий мор Дэгри послал кулак вверх и вперед, будто пытаясь сбить падающего дракона, оттолкнуть в сторону. Невидимый воздушный таран врезался в клекочущую, захлебывающуюся водой и слабостью тушу, откинул в сторону на десяток шагов. Туша рухнула с глухим протяжным звуком, впечаталась в обожженную драконьим пламенем почву, трепыхнулась пару раз и затихла.

Первый дракон повержен! Эйлерт быстро оглянулся по сторонам: другие четверки отряда тоже завалили по одной твари! Всего на один кратчайший миг чувство торжества омыло волной сердце мага — и тут же пропало. Некогда. И — рано.

Уцелевшие драконы перестали кружить хороводом, сбились стайками по трое, по четверо и снова бросились вниз — каждая кучка на свою четверку магов.

В огнеупорный купол дэя Кьярвела издалека, с подлета

ударили сразу четыре огненных смерча. Кьярвел зарычал, напрягая все мышцы, ощерив зубы, но продолжал держать щит.

Эйлерт быстро перестроил заклинание темной бездны: щупальца удлинлись, их стало меньше, они с трудом дотянулись до крылатых тварей и зацепились за каждую.

— Мне! — со стоном бросил Кьярвел, и Эйлерт направил единственное отдающее щупальце заклинания в спину друга.

Жизненная сила четырех драконов потекла к сыну Дня, помогая ему ограждать друзей от драконьего же огня.

— Притяни ближе! — закатник Гломин не мог попасть струей воды в драконьи глотки: твари были слишком высоко.

Эйлерт бросил команду, чуть скрючил пальцы, и щупальца заклинания напряглись, притягивая быющих крыльями драконов к земле. Откачивать силу у четверых драконов сразу — это не просто. Твари слабели, но слишком медленно. Вот одно щупальце лопнуло, не выдержав напряжения, и освободившийся дракон тут же взмыл вверх, выровнялся и закружил над полем боя.

— Ушел! — Эйлерт стиснул зубы в гневе, усилил хватку трех других щупалец, рывком дернул к земле.

Драконы рывка не ожидали. Сбились, замолотили крыльями по воздуху — уже падая. Три столба воды ударили в разинутые пасти, остановили потоки огня.

Краем уха Эйлерт услышал стон облегчения: Кьярвел

убрал ослабевший щит и теперь питался текущими к нему ручейками магии, восстанавливая собственные силы.

— Сбиваю! — рассветник нанес три быстрых удара, оглушая тварей, отбрасывая их подальше заклинанием «воздушный таран».

Эйлерт продолжал тянуть из уже поверженных, но еще живых драконов жизненную энергию, но мор Дэгри закричал:

— Сверху!

... на четверку магов обломками скал падали еще два дракона!

И снова: щит — щупальца — столб воды — воздушный кулак! И снова! И опять...

Силы Эйлерта были на исходе. Понимая, что без него погибнет вся четверка, он замкнул отдающее магию щупальце на себя. Ему ведь совсем немного надо! Всего десяток вдохов, и он восстановится...

— Мне! — Кьярвел тоже истощился.

Его огнеупорный щит превратился в тонкую пленку, которая плавилась, расплзлась над головами магов. Через маленькие пока еще прорехи в щите начали прорываться первые тонкие струйки текучего драконьего огня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.